

Продано более **1000 000** экземпляров книг
Джоджо Мойес на русском языке!

Где живет **счастье**

ДЖОДЖО МОЙЕС

Мойес... искусно справляется со сложным сюжетом; ее вдумчивая интонация и легкий юмор дают чудесный результат.

Publishers Weekly

Annotation

Этот магазинчик, своеобразно оформленный, забит самыми разнообразными редкими вещами, в нем полно недорогой бижутерии, и в нем витает аромат середины XX века. А его хозяйка варит лучший в городе кофе и гордо называет свой магазин «Эмпориум Сюзанны Пикок». Именно здесь Сюзанна, которая постоянно конфликтует с отцом и мачехой, ссорится с мужем и считает себя виновной в смерти матери, взбалмошной красавицы Афины Форстер, обзаводится первыми в ее жизни настоящими друзьями, узнает правду о своей матери и находит свою любовь...

Впервые на русском языке!

Джоджо Мойес

Где живет счастье

* * *

*С любовью и благодарностью посвящается маме и папе, Лиззи
Сандерс и Джиму Мойесу*

Глава 1

Буэнос-Айрес, 2001 год

День, когда я принял свои первые роды

Кондиционер в клинической больнице вышел из строя уже в третий раз за неделю. Стояла такая духота, что в палатах интенсивной терапии медсестрам приходилось держать над постелью самых тяжелых больных пластиковые вентиляторы на батарейках. Коробка с вентиляторами, в количестве трехсот штук, прибыла в подарок от пережившего инсульт благодарного пациента, который занимался импортом-экспортом, а потому оказался в числе тех редких пациентов местной больницы, кто еще имел на счету достаточно долларов, чтобы помогать другим.

Однако синие пластиковые вентиляторы были столь же ненадежными, как и обещания закупить лекарства и медицинскую технику, и в больнице, окутанной жарким маревом шумного аргентинского лета, то тут, то там раздавалось «¡Niño di puta!»^[1] медсестер, даже самых благочестивых, вынужденных заниматься реанимацией вентиляторов.

Но я не замечал жары. Я трясся от объявшего меня внутреннего холода, вполне естественного для новоиспеченного акушера, которому объявили, что ему предстоит принимать свои первые роды. Беатрис, старшая акушерка, отвечавшая за мою подготовку, похлопав меня по плечу пухлой темной рукой, сообщила об этом с обманчиво небрежным видом по дороге в гериатрическое отделение, куда она направлялась раздобыть немного еды для одной из своих рожениц.

— Она во второй палате, — махнула Беатрис в сторону родильной палаты. — Уже рожавшая. Трое детей. Но вот этот никак не хочет выходить. Хотя кто его за это осудит? — Беатрис безрадостно рассмеялась и подтолкнула меня вперед. — Я скоро вернусь. — Однако, заметив, что я нерешительно топчусь под дверью, напуганный доносящимися из палаты стонами, она добавила: — Давай, Турко. Ты ведь знаешь, что ребенок может вылезти только из одного места.

Под дружный смех остальных акушеров я несмело вошел в палату.

Я планировал войти и с уверенным видом представиться, скорее для самоуспокоения, нежели для того, чтобы произвести впечатление на рожениц. Однако женщина, стоявшая на коленях и вцепившаяся в лицо своего мужа ладонями с побелевшими костяшками пальцев, тупо мычала, точно корова, и я решил, что в данных обстоятельствах рукопожатие будет не слишком уместным.

— Доктор, дайте ей, ради бога, обезболивающее! — проговорил будущий отец через прижатую ко рту пятерню жены.

В его голосе, как я успел заметить, слышалось такое же почтение, с каким я обращался к своему больничному начальству.

— Ох, боже милостивый, почему так долго?! Ну почему так долго? — раскачиваясь на пятках, рыдала женщина.

На ее футболке темнели пятна пота, собранные в хвостик волосы взмокли, и сквозь них просвечивала бледная кожа головы.

— Последних двоих ты родила очень быстро, — глядя несчастную роженицу по волосам, говорил ее муж. — Ума не приложу, почему этот никак не хочет вылезать.

Я взял висевшую на спинке кровати историю болезни. Роды продолжались почти восемнадцать часов: слишком долго даже для первого ребенка, не говоря уже о четвертом. Моим первым порывом было позвать Беатрис, но я его поборол. Вместо этого я с умным видом уставился на историю болезни, пытаюсь мысленно соотнести надрывные завывания роженицы с записями в истории болезни. Под окном, на улице, в какой-то машине орала музыка: навязчивый синтезированный ритм кумбии. Я хотел закрыть окно, но передумал. Было даже страшно представить, что в этой темной клетушке может стать еще жарче.

— Вы не могли бы помочь мне положить ее на кровать? — попросил я мужа роженицы, когда стоять, вперившись в историю болезни, стало уже неприлично.

Он с готовностью вскочил на ноги, явно довольный, что хоть кто-то наконец собирается что-то делать.

Когда он перетащил жену на кровать, я измерил у нее давление, посчитал частоту схваток и пощупал живот. Кожа у нее была скользкой и горячей. Головка ребенка находилась еще высоко. Я поинтересовался у мужа историей предыдущих родов, но ключа к решению проблемы не нашел. Я в отчаянии посмотрел на дверь, мысленно призывая на помощь Беатрис.

— Ничего страшного, — вытерев лицо, сказал я в тщетной надежде, что так оно и есть.

И вот именно тогда я заметил другую пару, неприкаянно стоявшую в углу возле окна. Они отнюдь не были похожи на обычных посетителей заштатной больницы для бедных; нет, в своей яркой дорогой одежде они смотрелись бы куда уместнее в шведской больнице по ту сторону площади. Волосы женщины, явно покрашенные у дорогого парикмахера, были собраны на затылке в элегантный узел, но вот макияж, не выдержав сорокаградусной жары, расплылся грязными лужицами под глазами и черными потеками на блестевшем от пота лице. Она крепко держала мужа за руку и не отрываясь смотрела на несчастную роженицу.

— Может, ей нужны наркотические средства? — повернулась она ко мне. — Эрик мог бы достать.

Мать, что ли? — рассеянно подумал я. Хотя для матери она слишком молодо выглядит.

— Нет, с наркотиками мы уже опоздали. — Я попытался напустить на себя уверенный вид.

Они выжидающе смотрели на меня. А Беатрис, как назло, словно сквозь землю провалилась.

— Сейчас я ее осмотрю. — Поскольку меня никто не собирался останавливать, мне ничего не оставалось делать, как начать действовать.

Я заставил роженицу подсунуть пятки под ягодицы и раздвинуть колени. Затем, дождавшись начала очередных схваток, я осторожно проверил шейку матки. Обычно эта процедура весьма болезненная, но женщина была настолько измучена, что только слабо постанывала. Примерно с минуту я пытался хоть что-то нащупать. Шейка матки была полностью раскрыта, и все же мне никак не удавалось найти головку ребенка... А что, если это очередная проделка акушеров типа той куклы, которую они попросили меня подержать в инкубаторе? Неожиданно я почувствовал слабое шевеление. Обнадеживающе улыбнувшись, я направился к шкафчику с инструментами, в глубине души надеясь, что необходимую мне вещь не успели позаимствовать медсестры из другого отделения. Но нет, вот она — похожая на вязальный крючок — моя волшебная палочка. Я зажал инструмент в руке, чувствуя некий прилив эйфории от предвкушения того, что сейчас произойдет, и, более того, произойдет благодаря мне.

Воздух пронзил очередной вопль лежавшей на кровати женщины. Конечно, мне было страшновато действовать самостоятельно, но в данной ситуации промедление смерти подобно. А поскольку монитор сердцебиения эмбриона вышел из строя, у меня не имелось ни малейшей возможности узнать, угрожает ли ребенку в утробе опасность.

— Держите ее крепче, — велел я мужу роженицы.

Затем, дождавшись перерыва между схватками, я завел в шейку матки крючок и проделал крошечную дырочку в околоплодном пузыре. Похоже, вовремя не отошедшие воды мешали продвижению ребенка. Несмотря на стоны женщины и оглушающий шум транспорта за окном, я услышал слабый звук лопнувшей пленки, и неожиданно из роженицы мощным потоком хлынула жидкость, а сама роженица села на кровати и произнесла с ноткой удивления в голосе, хотя и без видимой паники:

— У меня начались потуги.

Именно в этот момент в палате появилась Беатрис. Увидев у меня в руке инструмент и заметив напряженное лицо роженицы, которой помогал муж, Беатрис кивком велела мне продолжать.

Все дальнейшее происходило точно в тумане. Помню только, как я увидел потрясающе мягкие темные волосы, а также то, как направил руку женщины так, чтобы та почувствовала головку и поняла, что все будет хорошо. Помню, как велел ей тужиться и дышать, а еще как с радостью, восторгом и облегчением вопил во весь голос, когда появился ребенок. Пожалуй, последний раз я так громко орал на стадионе, куда ходил с отцом смотреть футбол. Помню, как выскользнула эта девочка, прямо мне на руки. Ее бледно-голубая, как мрамор, кожа моментально приобрела насыщенный розовый цвет, совсем как у хамелеона, после чего малышка издала долгожданный крик возмущения по поводу того, что появилась на этот свет с таким опозданием.

И я поспешил отвернуться, потому что, когда я перерезал пуповину и положил ребенка матери на грудь, у меня на глазах появились слезы, а мне ужасно не хотелось давать Беатрис и другим акушеркам очередного повода для насмешек.

Беатрис легонько тронула меня за плечо и, вытирая вспотевший лоб, сказала:

— Когда закончишь, я стоняю наверх, поищу доктора Карденаса. Она потеряла много крови, так что, пока ее не осмотрит доктор, пусть полежит спокойно. — Беатрис говорила так тихо, что я едва слышал ее, и она это знала. — Неплохо, неплохо, Ал. — Пожалуй, она впервые назвала меня по имени. — Надеюсь, в следующий раз ты даже не забудешь взвесить ребенка.

Радостное возбуждение сделало меня смелее, и я решил проявить характер и ответить ей в том же духе, но осекся, неожиданно почувствовав, что, пока мы разговаривали, атмосфера в комнате неожиданно изменилась. Беатрис это тоже заметила и немного замедлила шаг. Вместо восторженного воркования новоиспеченной мамы и шепотков восхищенных родственников мы слышали лишь жалобное:

— Диего, не надо, не надо... Диего, ну пожалуйста!..

Элегантно одетая пара приблизилась к кровати. Женщина, блондинка, как я заметил только сейчас, дрожа всем телом, со странной полуулыбкой осторожно тянула руки к младенцу.

Мать, крепко прижимая к себе ребенка, в отчаянии шептала мужу:

— Диего, не надо, не надо... Я не могу этого сделать!

Муж нежно гладил ее по лицу:

— Луиза, мы же договорились. Ты ведь знаешь, что мы договорились. Нам и троих-то детей не прокормить, уж не говоря о четвертом.

Она лежала с закрытыми глазами, вцепившись костлявыми руками в застиранную больничную пеленку.

— Диего, вот увидишь, все наладится. У тебя будет больше работы. Умоляю тебя, любовь моя, не надо...

Лицо Диего исказилось. Склонившись над женой, он начал отрывать — палец за пальцем — ее руки от ребенка.

— Нет! Нет, Диего! Умоляю! — заголосила несчастная женщина.

Радость от появления на земле нового человека сразу испарилась, а когда я понял, что происходит, у меня противно заныло внизу живота. Я собрался было вмешаться, но Беатрис, с непривычно мрачным выражением лица, остановила меня, едва заметно покачав головой.

— Уже третий случай за этот год, — пробормотала она.

Диего удалось забрать ребенка. Не глядя на малышку, он крепко прижал ее к себе, а затем, зажмурившись, протянул блондинке.

— Мы будем очень-очень ее любить, — сказала она дрожащим от слез голосом с явно выраженным аристократическим выговором. — Мы так долго ждали...

Несчастливая мать в диком приступе отчаяния попыталась встать с постели, однако Беатрис ее остановила.

— Ей нельзя шевелиться, — отчеканила акушерка, не скрывая своего недовольства необходимостью участвовать в этом деле. — Вы должны заставить ее лежать неподвижно до прихода врача.

Диего обнял жену, то ли успокаивая, то ли удерживая ее на месте.

— Луиза, они дадут ей все, что душе угодно, а мы получим деньги, чтобы прокормить детей. Ты должна подумать о наших детях, о Паоле, о Сальвадоре... Подумать, как туго нам пришлось...

— Это мой ребенок! — Женщина, придавленная всей тяжестью тела Беатрис, в отчаянии вцепилась в лицо мужа. — Вы не можете ее у меня отнять!

На лице у мужчины остались кровавые полосы от ее ногтей, но он, похоже, не чувствовал боли. Блондинка с мужем слегка попятились в сторону двери. У меня в ушах стояли душераздирающие крики роженицы, и я застыл возле раковины, не в силах даже посмотреть на ребенка, которому помог появиться на свет.

И с этого дня я напрочь забыл о красоте первого принятого мной младенца. Я помнил только истошные вопли той матери, ее страдальческое лицо, отмеченное печатью горя, которому, как я догадался, суждено навечно поселиться в ее душе. А еще я запомнил ту блондинку. Женщина была явно шокирована происходящим, но поступиться своим тоже не собиралась. Она воровато кралась к двери, приговаривая:

— Ее будут очень любить. — Она повторяла свои слова, наверное, уже в сотый раз, хотя то был глас вопиющего в пустыне. — Ее будут очень любить.

Глава 2

Фрамлингтон-Холл, Норфолк,

1963 год

Между Норвичем и Фрамлингтоном поезд сделал шесть остановок вне расписания, и, хотя еще не было и пяти вечера, холодная бескрайняя голубизна неба начала потихоньку темнеть. Виви заметила, что проводники, вооружившись лопатами, уже несколько раз спрыгивали с поезда, чтобы расчистить заваленные снегом пути, и почувствовала, как ее недовольство задержкой в дороге с лихвой компенсируется чувством извращенного удовлетворения.

— Надеюсь, те, кто за нами приедет, не забудут надеть на колеса цепи противоскольжения. — От ее дыхания вагонное окно моментально запотело, и ей пришлось протереть дырочку затянутым в перчатку пальцем. — Мне вовсе не улыбается толкать машину через сугробы.

— Тебе и не придется толкать, — не поднимая головы от газеты, ответил Дуглас. — Это мужская работа.

— Наверное, там ужасно скользко.

— В твоих сапожках уж точно.

Виви обратила взор на свои новые виниловые сапожки «Курреж», в глубине души страшно довольная, что он заметил. Совершенно непригодны для такой погоды, заявила ее мать, с грустью добавив, обратившись к отцу, что ей хоть кол на голове теши. Виви, всегда сговорчивая, проявила непривычное для себя упорство, решительно отказавшись надевать резиновые сапоги. Она впервые ехала на бал без сопровождения взрослых, и ей категорически не хотелось выглядеть как двенадцатилетний подросток. И это была не единственная баталия Виви с родителями. Волосы девушки, зачесанные наверх и замысловато уложенные на макушке тугими локонами, наверняка примялись бы под шерстяной шапкой, и теперь мать Виви раздирали сомнения, не слишком ли большую цену придется заплатить за сохранение прически, стоившей немалых трудов, если она все же разрешит дочери отправиться в такую непогоду, какой еще не бывало за всю историю наблюдений, с тонким шарфом на голове.

— Все будет отлично! — солгала Виви. — Мне даже жарко.

Слава богу, Дуглас не знает, что у нее под юбкой рейтузы!

Они ехали уже почти два часа, причем последний час в неотопливаемом вагоне: проводник сказал, что конвектор испустил дух еще до наступления холодов. Вообще-то, они планировали ехать с Фредерикой Маршалл в машине ее матери, но Фредерика подцепила инфекционный моноклеоз (недаром, сухо заметила мать Виви, это называется поцелуйной болезнью), так что родителям волей-неволей пришлось отправить Дугласа и Виви на поезде, дав на прощание кучу противных наставлений, чтобы Дуглас за ней приглядывал. В течение многих лет Дугласа постоянно инструктировали приглядывать за Виви, но сегодня эти слова приобрели особую весомость, поскольку Виви предстояло появиться без взрослых на одном из самых значительных светских мероприятий года.

— Ди, ты точно не против, что я еду с тобой? — предприняла слабую попытку пококетничать Виви.

— Не будь дурой. — Дуглас продолжал злиться на отца за то, что тот отказался одолжить ему свой автомобиль «Воксхолл-Виктор».

— Я никак не могу понять, почему родители не разрешают мне путешествовать одной. Правда, они ужасно старомодные...

Виви можно смело отпустить с Дугласом, ободряюще сказал ее отец. Ведь Дуглас ей совсем как старший брат. И Виви в глубине своей исстрадавшейся души знала, что так оно и есть.

Она положила ногу в сапожке на сиденье рядом с Дугласом. На Дугласе было теплое шерстяное пальто, а на его туфлях, впрочем как и у большинства мужчин, виднелись белесые разводы от грязи.

— Там наверняка сегодня будут все, кто хоть что-нибудь собой представляет, — заметила Виви. — Куча народу, хотевшего получить приглашение, осталась с носом.

— Я бы с радостью отдал им свое.

— А еще там точно будет эта девица Афина Форстер. Та самая, что нагрубила герцогу Эдинбургскому. Ты когда-нибудь встречался с ней на танцах?

— Нет.

— Она производит ужасное впечатление. Мама, прочитав о ней в колонках светских сплетен, заявила, что хорошее воспитание ни за какие деньги не купишь. — Виви замолчала и задумчиво потерла нос. — Мама Фредерики полагает, будто светские сезоны скоро вообще исчезнут как класс. Она говорит, что девицы типа Афины убивают саму идею балов, вот почему все и зовут ее Последней Дебютанткой.

Дуглас презрительно фыркнул, не отрывая глаз от газеты:

— Последняя Дебютантка! Какой вздор! Да и сами эти светские сезоны — сплошное притворство. По крайней мере, с тех пор, как королева перестала принимать при дворе.

— Но это же прекрасный способ знакомиться с людьми.

— Прекрасный способ использовать этих прекрасных парней и девушек в качестве подходящего брачного материала. — Дуглас свернул газету и положил ее рядом с собой. Затем откинулся на спинку сиденья, сцепив руки за головой. — Ви, времена меняются. Через десять лет охотничьих балов не будет и в помине. Не будет и этих шикарных фраков с длинными фалдами.

Хотя Ви и не была до конца уверена, она решила, что подобная безапелляционность Дугласа объясняется его одержимостью так называемой социальной реформой, включающей самый широкий спектр идей — от концепции Джорджа Кэдбери о необходимости массового образования рабочего класса до идеалов коммунизма в России, — а также его увлечением поп-музыкой.

— И как же тогда людям знакомиться?

— Они получают возможность встречаться с теми, кто им нравится, невзирая на общественное положение. У нас будет бесклассовое общество.

По его тону трудно было сказать, одобряет он будущие изменения или, скорее, предупреждает о них. Поэтому Виви, которая редко заглядывала в газеты, а потому не знала, какие другие варианты можно предложить, ограничилась тем, что хмыкнула в знак согласия и снова уставилась в окно. В душе она молилась, и уже не в первый раз, о том, чтобы ее прическа выдержала испытания грядущего вечера и не развалилась во время танцев. За квикстеп и «Веселых Гордонов» можно не волноваться, сказала мама, а вот с «Лихим белым сержантом», пожалуй, надо быть поосторожнее.

— Дуглас, сделаешь для меня доброе дело?

— Какое?

— Я знаю, что тебе не очень-то хотелось ехать...

— Да нет, я не против.

— И я знаю, что ты терпеть не можешь танцы, но, если будет подходящая мелодия, а меня никто не пригласит, обещаешь мне хоть один танец? Я не переживу, если мне весь вечер придется подпирать стенку. — Виви даже на секунду вынула руки из относительно теплых карманов. Лак «Жемчужный иней» идеально покрывал ногти. Он переливался и мерцал холодным блеском под стать морозной пелене, затянувшей окна. — Я усердно практиковалась. И обещаю, что не подведу тебя.

Дуглас улыбнулся, и Виви почувствовала, что, несмотря на ледяной холод, на душе у нее сразу потеплело.

— Тебе не придется подпирать стенку, — сказал Дуглас, положив ноги на сиденье рядом с Виви. — Но все равно да, глупышка. Конечно, я приглашу тебя на танец.

Фрамлингтон-Холл не относился к числу жемчужин архитектурного наследия Англии. Старинный облик здания был лишь видимостью. Любой человек, мало-мальски разбирающийся в архитектуре, смог бы с ходу определить, что готические башенки не сочетаются с палладианскими колоннами, что узкие окна со свинцовыми переплетами слишком зажаты остроконечной крышей над огромным бальным залом, что красные кирпичные стены явно не покрыты пылью столетий. Короче говоря, это был новодел, архитектурный убогодок, воплотивший в себе худшие черты ностальгии по некоему мифическому прошлому. Дом окружала абсолютно ровная местность, что придавало ему особую внушительность.

Прилегающий к дому сад, когда не был погребен под толстым слоем снега, казался до невозможности строгим: лужайки тщательно выкошены, трава плотная и густая, будто дорогой ковер, в розарии розовые кусты росли не в естественной дикости, а словно по линейке, аккуратными рядами, когда каждый следующий куст казался точной копией предыдущего. А сами розы были не белыми и не чайными, а кроваво-красными, выведенными или привитыми в Голландии или во Франции. Участок со всех сторон окружали кипарисы Лейланда, еще молодые, но уже готовые надежно скрыть дом и его территорию от окружающего мира. По меткому выражению какого-то остряка, этот сад походил скорее на концентрационный лагерь для растений.

Но все это нимало не волновало гостей, шедших непрерывным потоком по посыпанной солью полукруглой дорожке перед домом. Некоторых гостей пригласили лично Блумберги (хозяева сами разработали дизайн дома, и их с большим трудом удалось отговорить от идеи в качестве завершающего штриха купить себе заодно и титул); некоторые получили приглашения через более удачно устроившихся друзей хозяев дома, но с их личного разрешения, для создания нужной атмосферы. А некоторые явились незваными, хитроумно рассчитав, что при таком количестве народу несколько гостей, с правильной внешностью и правильной речью, никому не помешают. Ведь Блумберги, с их недавно сколоченным состоянием в банковском деле и двумя дочерьми-близняшками на выданье, ради которых родители и решили поддержать традицию балов для дебютанток, слыли гостеприимными хозяевами. Да и вообще, сейчас на вещи смотрели гораздо проще и никто никого не собирался выкидывать на холодную улицу. Тем более при наличии заново отделанного

интерьера, которым не терпелось похвастаться.

Виви немного поразмышляла на эту тему, сидя в отведенной ей комнате (полотенца, туалетные принадлежности, фен с двумя режимами скорости), расположенной через два коридора от комнаты Дугласа. Она оказалась в числе немногих счастливиц, и все благодаря деловым связям отца Дугласа с Дэвидом Блумбергом. Большинство девушек разместили в отеле в нескольких милях отсюда, а вот ей, Виви, выпала честь остановиться в комнате в три раза больше ее спальни в родительском доме и по крайней мере вдвое роскошнее.

Лена Блумберг, высокая элегантная дама, чье утомленное выражение лица красноречиво говорило о том, что если у нее и есть интерес к супругу, то исключительно меркантильный, слегка приподняла брови, тем самым отреагировав на чересчур экстравагантные приветствия мужа, и сказала, что в гостиной есть чай и горячий суп для тех, кому надо согреться, а если Виви вдруг что-нибудь понадобится, то ей надо просто попросить, хотя, по-видимому, и не лично миссис Блумберг. Миссис Блумберг велела лакею проводить Виви в ее комнату — мужчины расположились в другом крыле дома, — и девушка, перепробовав все баночки с кремом и понюхав каждую бутылочку шампуня, решила, прежде чем начать переодеваться к балу, немного посидеть, чтобы сполна насладиться неожиданной свободой и прочувствовать, каково это — жить в такой роскоши.

Натягивая платье — тугой лиф, длинная сиреневая юбка, собственноручно сшитая ее мамой по выкройке из журнала «Баттерик», — и меняя сапожки на туфли, Виви прислушивалась к приглушенному гулу голосов гостей, проходивших мимо ее двери. Весь дом был буквально пропитан атмосферой предвкушения праздника. Снизу доносились звуки настраиваемых музыкальных инструментов, а с лестничной площадки — торопливые шаги прислуги, готовившей комнаты, и приветственные возгласы вновь прибывших гостей. Виви уже несколько недель жила ожиданием этого бала. И вот, когда ее мечта практически сбылась, она неожиданно испытала безотчетный ужас, совсем как перед походом к дантисту. И не только потому, что единственным, кого она здесь знала, был Дуглас, или потому, что после поезда, где она вела себя как зрелая и искушенная особа, она вдруг почувствовала себя совсем юной и неопытной, а скорее потому, что на фоне остальных девушек, стройных, тонконогих, ослепительных в своих вечерних нарядах, она вдруг ощутила себя плебейкой, девицей не того круга, и даже новые сапожки внезапно потускнели. Ведь при всех ее стараниях Веронике Ньютон так и не удалось стать шикарной женщиной. Она была вынуждена признать, что, несмотря на накрученные на бигуди волосы и корсет, ее внешность оставалась убийственно заурядной. Ее формы отличались приятной округлостью, тогда как эталоном красоты считалась крайняя худоба. На щеках Ви играл здоровый румянец, а ей хотелось иметь загадочную бледность и распахнутые глаза. Она носила широкие юбки в сборку и платья-рубашки на пуговицах, однако в моде были платья-трапеции и стиль модерн. Она была натуральной блондинкой, но ее волнистые, непослушные соломенные волосы категорически отказывались ложиться ровными, прямыми прядями, как у моделей в журналах «Хани» или «Петтикоат», и обрамляли лицо торчащими во все стороны патлами. И даже сегодня, уложенные искусственными локонами, волосы казались жесткими и неживыми, а вовсе не медово-конфетными, как она себе представляла. Ну и помимо всего прочего, ее родители в несвойственном им порыве фантазии прозвали ее Виви, вследствие чего при первом знакомстве с ней люди не могли скрыть своего разочарования, словно это имя подразумевало некую экзотичность, коей она отнюдь не обладала.

«Не каждая девушка может быть королевой бала, — успокаивала ее мама. — А вот ты непременно станешь кому-нибудь чудесной женой».

Не желаю быть чьей-то чудесной женой, думала Виви, с привычным неудовольствием глядя на себя в зеркало. Нет, я просто хочу быть предметом вожделения Дугласа. Виви даже позволила себе ненадолго предаться своей любимой фантазии, ставшей для нее вроде любимой зачитанной книги с загнутыми страницами, и представила, как, увидев ее в бальном платье, Дуглас, сраженный наповал ее неожиданной красотой, ошеломленно качает головой, а потом они, щека к щеке, до умопомрачения кружатся в вихре вальса, и она чувствует на пояснице приятную тяжесть его сильной руки... Честно признаться, многое из этого она позаимствовала из «Золушки» Уолта Диснея. Ну а кроме того, все, что было после поцелуя, оставалось в тумане. Да и вообще, с тех пор как она приехала в этот дом, в ее грезы безжалостно вторгались стройные загадочные девушки, все как одна точные копии Джин Шримптон, увлекавшие Дугласа призывными улыбками и сигаретами «Собрание», в связи с чем Виви решила придумать новую фантазию, в которой Дуглас после бала сопровождает ее до дверей этой огромной спальни, медлит на пороге, а потом подводит к окну, смотрит на ее лицо, освещенное таинственным лунным светом, и...

— Ви? Ты в приличном виде? — (Ви виновато подпрыгнула, когда в дверь нетерпеливо постучал Дуглас.) — Думаю, нам скоро пора спускаться вниз. Я тут встретил старого школьного приятеля, и он обещал посторожить для нас пару бокалов шампанского. Ну что, ты готова?

Радость от возможности слышать голос Дугласа несколько омрачил тот факт, что он уже успел найти с кем поговорить.

— Буквально две секундочки! — крикнула Виви, накладывая тушь на ресницы и моля Бога о том, чтобы сегодняшняя вечер стал переломным и Дуглас посмотрел на нее другими глазами. — Я сейчас!

Черный галстук был ему к лицу, само собой разумеется. И если у отца Виви живот вечно нависал над камербандом, точно надутый ветром парус, то Дуглас во фраке казался еще выше и стройнее; широкие плечи, обтянутые темной тканью, цветущее лицо, отлично оттеняемое однотонной рубашкой. Дуглас наверняка понимает, что он очень красив. Когда она сказала ему об этом, вроде бы в шутку, чтобы скрыть, как на нее действует его внешность, он лишь, мрачно рассмеявшись, заявил, что чувствует себя идиотом, связанным по рукам и ногам. А затем, словно не желая остаться в долгу, решил в свою очередь отпустить ей комплимент.

— Что ж, и ты, старушка, отлично почистила перышки. — Дуглас положил ей руки на плечи и по-братски стиснул.

Конечно, это не поцелуй Прекрасного Принца, но какое-никакое, а прикосновение. И Виви чувствовала, как оно до сих пор буквально обжигает ее обнаженную кожу.

— А ты в курсе, что мы теперь совершенно официально отрезаны от мира?

Александр, школьный приятель Дугласа, бледный и веснушчатый, в очередной раз принес ей выпивку. У Виви это уже был третий бокал шампанского, и первоначальный ступор, в который она впала, увидев вокруг море прелестных женских лиц, постепенно прошел.

— Что? — не поняла Виви.

Он наклонился к ней поближе, чтобы им не мешали звуки оркестра:

— Снег. Он снова пошел. Похоже, никому не удастся уйти дальше подъездной дорожки,

пока основную дорогу не посыплют песком.

На Александре, как и на многих других мужчинах, был красный охотничий пиджак («Алый», — поправил он Виви), к тому же парень, похоже потеряв чувство меры, явно переусердствовал с одеколоном.

— И где ж ты тогда остановишься? — Виви живо представила, как тысяча людей спит вповалку прямо на полу бального зала.

— Ой, за меня не беспокойся. Я, как и ты, ночую в доме. А вот насчет остальных — это еще вопрос. Возможно, будут гудеть всю ночь напролет. Хотя кое-кто из ребят в любом случае это сделает.

В отличие от Виви, большинство гостей выглядели так, будто для них было в порядке вещей не спать до зари. Они все казались невозмутимыми и уверенными в себе, словно им было не впервой видеть подобную роскошь, а манера держаться и непринужденно болтать свидетельствовала о том, что в этом шикарном особняке они чувствовали себя почти как дома. Их ни капельки не смущали ни целая армия слуг, чьим единственным желанием, похоже, было подавать гостям еду и напитки, ни неожиданно дарованная им свобода, ведь юношам и девушкам предстояло без должного присмотра провести целую ночь под одной крышей. Девушки носили свои изысканные вечерние туалеты с небрежным шиком, словно повседневную одежду.

Девушки эти вовсе не походили на статисток из фильмов Уолта Диснея. Тиары, жемчуга, подведенные черным карандашом глаза, сигареты и даже юбки от Эмилио Пуччи. И несмотря на элегантный зал, до неприличия похожий на свадебный торт, воздушные бальные платья и вечерние наряды, оркестру очень скоро пришлось сменить репертуар классических танцев на нечто более современное, а именно на инструментальную обработку «I Wanna Hold Your Hand», после чего девушки с визгом высыпали на танцпол, вихля бедрами, качая головами с красиво уложенными волосами и заставляя стоявших в сторонке замужних дам тоже качать головами, но уже с оттенком неодобрения, и в этот момент Виви с горечью в душе осознала, что ей не суждено закружиться с Дугласом в вихре вальса.

Более того, он, кажется, вообще забыл о своем обещании. Как только они появились в бальном зале, Дуглас сделался на удивление рассеянным, точно учуял в воздухе нечто такое, чего Виви было не дано понять. И действительно, Дугласа будто подменили: он курил сигары и обменивался с друзьями им одним понятными шутками. Виви ни секунды не сомневалась, что в данный момент он явно не рассуждал о неминуемом крахе классового общества, — в любом случае, к ее тайному неудовольствию, он определенно чувствовал себя как дома среди мужчин в черных галстуках и охотничьих пиджаках. Виви пару раз порывалась сказать ему нечто личное, чтобы напомнить о том, что их связывает, и восстановить некую степень интимности. Она даже набралась смелости пошутить по поводу его сигары, но Дуглас не проявил к шутке особого интереса. Выслушав Виви, по выражению ее матери, вполуха, исключительно из вежливости, он снова присоединился к общей беседе.

Виви уже начала чувствовать себя немного не в своей тарелке, а потому даже обрадовалась, когда Александр решил оказать ей внимание.

— Ну что, станцуем твист? — предложил он, и ей пришлось признаться, что она знает только классические па. — Это совсем легко, — сказал он, выводя ее на танцпол. — Представь, что ты носком ноги тушишь окурки, а спину вытираешь полотенцем. Понятно?

Александр выглядел так комично, что Виви не выдержала и рассмеялась, а затем оглянулась проверить, заметил ли Дуглас. Но Дуглас уже в который раз за сегодняшний вечер

куда-то исчез.

В восемь вечера распорядитель бала объявил, что гостей ожидает буфет, и Виви, ощущая легкое опьянение, встала в длинную очередь за камбалой «Вероника» и говядиной побургундски, одновременно пытаясь решить возникшую перед ней дилемму: она зверски проголодалась, но стеснялась демонстрировать на публике свой здоровый аппетит, поскольку девушки вокруг ели исключительно вареную морковь.

И тут по чистой случайности Виви оказалась в компании друзей Александра. Он представил им Виви с видом собственника, и она поймала себя на том, что невольно поправляет корсаж, который сполз вниз, выставив на всеобщее обозрение разгоряченную грудь.

— Были у Ронни Скотта? — спросил кто-то из них, придвинувшись к Виви так близко, что ей пришлось убрать тарелку подальше.

— Нет, никогда с ним не встречалась. Простите.

— Это джаз-клуб. На Джеррард-стрит. Вам непременно нужно заставить Ксандера сводить вас туда. Он знаком со Стэном Трейси.

— Ну, я, если честно, даже не знаю... — Виви слегка попятилась и извинилась, расплескав чей-то напиток.

— Черт, умираю с голоду! На прошлой неделе был на вечеринке у Этвудов, так они подавали только заливного лосося и консоме. Пришлось заплатить знакомым девицам за то, чтобы отдали мне свои порции. Я уж было испугался, что упаду в голодный обморок.

— Нет ничего хуже плохого буфета.

— Твоя правда, Ксандер. Ты едешь кататься на лыжах в этом году?

— В Вербье. Родители сняли дом у Элфи Бэддоу. Ты помнишь Элфи?

— Похоже, нам тоже понадобятся лыжи, чтобы выбраться отсюда.

Виви обнаружила, что пытается незаметно уйти от всех этих разговоров. Ее уже начало несколько беспокоить, что Ксандер вроде как случайно пару раз мазнул ее рукой по спине.

— А кто-нибудь видел Дугласа?

— Треплется с какой-то блондинкой в картинной галерее. Я даже сунул ему палец в ухо, когда проходил мимо. — Говоривший сделал вид, будто облизывает палец и сует его в ухо соседа.

— Виви, еще один танец? — Александр протянул ей руку и попытался снова затащить на танцпол.

— Я... я думаю, мне надо немного переждать. — Она потрогала волосы, обнаружив, к крайнему неудовольствию, что кудри развились и повисли унылыми прядями.

— Тогда давай пройдем к игральным столам, — сказал Александр, взяв Виви под локоток. — Будешь моим счастливым талисманом.

— Давай встретимся прямо там. Мне нужно... припудрить носик.

У дверей в уборную на нижнем этаже змеилась щебечущая очередь, и Ви, потерянно стоявшая среди этого шума и гвалта, внезапно обнаружила, что, когда она наконец оказалась у двери, ей действительно приспичило в туалет. И почувствовала себя ужасно неудобно, когда кто-то вклинился между ней и вожделенной дверью в уборную с радостным криком:

— Виви! Дорогая! Я Изабелла. Иззи! Из заведения миссис де Монфор! Боже, ты выглядишь просто сказочно! — Девушка, которую Виви с трудом припомнила, да и то смутно (хотя, возможно, дело скорее в количестве выпитого шампанского, нежели в провалах в памяти), пролезла перед ней, не слишком элегантно задрав одной рукой подол длинной

розовой юбки, и чмокнула Виви где-то в районе уха. — Дорогая, ничего, что я встала перед тобой, да? Я просто *умираю*. Еще немножко — и я натурально описажусь... Чудесно!

И когда перед ними распахнулась дверь, Изабелла исчезла внутри, а Виви обнаружила, что стоит скрестив ноги, ведь если поначалу она ощущала лишь смутные позывы, то теперь ее мочевого пузыря упорно посылал ей сигнал бедствия.

— Чертова корова! — услышала она за спиной чей-то голос. Виви виновато покраснела, отнеся эти слова на свой счет. — Она и эта девица Форстер уже весь вечер буквально монополизируют Тоби Даксворта и конногвардейцев. Маргарет ужасно расстроена.

— Тоби Даксворт даже не нравится Афине Форстер. Она просто водит его за нос, так как знает, что он на нее запал.

— Он и еще половина Кенсингтонских казарм.

— Я просто диву даюсь, почему они не видят, что она из себя представляет.

— Ну, ты же знаешь, что они видят более чем достаточно, а мужчины любят глазами.

Очередь всколыхнул легкий смешок, и Виви наконец набралась смелости оглянуться.

— Мне говорили, что родители с ней практически не разговаривают.

— И что тебя удивляет? Ведь у нее еще та репутация.

— А знаешь, ходят слухи, что она...

Голоса за спиной Виви понизились до шепота, и Виви снова повернулась к двери, чтобы не получилось, будто она подслушивает. Виви попробовала, без особого успеха, не думать о своем мочевом пузыре. Затем попыталась, правда еще с меньшим успехом, не думать, где сейчас Дуглас. Она опасалась, что у него может возникнуть ложное представление о ее отношениях с Александром. Да и вообще, на балу было не так весело, как она ожидала. Она практически не видела Дугласа, а если и видела, он казался ей каким-то недостижимым незнакомцем, а вовсе не *ее* Дугласом.

— Ты собираешься входить или нет? — Стоявшая сзади девушка показала на открытую дверь.

Похоже, Изабелла покинула туалет, даже не поблагодарив Виви. Чувствуя себя форменной идиоткой, Виви вошла внутрь и в сердцах выругалась, когда подол ее юбки потемнел от струившейся по мраморному полу жидкости неясной этиологии.

Она пописала, затем недовольно подергала себя за волосы, припудрила компактной пудрой блестящее от пота лицо, неумело наложила дополнительный слой туши на слипшиеся ресницы. Теперь в ее внешности больше не осталось ничего сказочного, с грустью констатировала Виви. А если и осталось, то это больше напоминало уродливых сестер из сказки «Золушка».

Тем временем стук в дверь стал таким настойчивым, что его невозможно было игнорировать. Виви вышла в коридор, приготовив на всякий случай слова извинения, но никто даже не удостоил ее вниманием.

Взгляды стоявших в очереди девушек были устремлены в сторону игорного зала, где творилось нечто такое, отчего их приподнятое настроение разом испарилось. Виви понадобилась пара секунд, чтобы более-менее разобраться в обстановке, и она, внезапно ощутив поток холодного воздуха, вслед за остальными повернула голову туда, откуда раздавался стук копыт и громкие возгласы. Послышался приглушенный звук охотничьего рожка, и Виви поначалу решила, что это началось соревнование по умению подавать сигналы с помощью охотничьего рожка, о котором говорил Ксандер. Но в данном случае исполнитель явно не отличался особым мастерством, воздух выходил из рожка одышливыми толчками, и

создавалось полное впечатление, будто кто-то рядом задыхается или хрипло смеется.

Виви остановилась на пороге игорного зала, спрятавшись за спинами компании мужчин, и огляделась по сторонам. На противоположном конце огромной комнаты кто-то открыл французские окна, выходящие на лужайку перед домом, и хлопья снега залетали внутрь под косым углом. Виви скрестила руки на груди, чувствуя, как кожа покрывается мурашками. Она наступила какому-то мужчине на ногу и виновато подняла глаза, собираясь извиниться. Но тот, казалось, даже не заметил. Он с открытым ртом смотрел прямо перед собой, явно решив, что все это мерещится ему с пьяных глаз.

И действительно, было от чего прийти в изумление, поскольку в зале находилась огромная серая лошадь. Выпучив глаза, раздувая ноздри и стуча запорошенными снегом копытами, она нервной рысью шла между столами для рулетки и блэк-джека среди моря потрясенных лиц. На спине лошади сидела бледная девушка — таких бледных девиц Виви, пожалуй, еще никогда не видела, — задранный подол ее платья обнажал длинные алебастровые ноги, обутые в расшитые блестками и камнями вечерние туфли без задника, густые темные волосы спускались ниже лопаток, в одной обнаженной руке девушка держала поводья, с помощью которых умело направляла лошадь между столами, а другой прижимала к губам охотничий рожок. И если у Виви на сквозняке кожа пошла красными пятнами, то незнакомка, казалось, вообще не чувствовала холода.

— Ату ее, ату! — Один из молодых людей в розовых пиджаках начал дуть в свой собственный рог.

Двое других забрались на стол, чтобы лучше видеть.

— Черт, поверить не могу!

— Давай прыгай через столы для рулетки! Мы составим их вместе.

Виви увидела в углу Александра: он смеялся и шутливо салютовал наезднице поднятым бокалом. Сидевшие рядом с ним дамы преклонного возраста о чем-то взволнованно перешептывались, оживленно жестикулируя и кивая в сторону наездницы.

— А можно, я буду лисой? Я охотно позволю тебе себя поймать.

— Хм... Боже мой, эта девица способна на любую выходку, лишь бы привлечь к себе внимание!

Афина Форстер. Виви узнала осуждающие интонации девушки из очереди в уборную. Но, как и все остальные, Виви была заморожена представшим перед ее глазами зрелищем. Афина остановила лошадь и, прильнув к ее шее, обратилась к компании молодых людей:

— Мальчики, у кого-нибудь из вас найдется выпить?

Ее низкий с хрипотцой голос говорил о том, что она немало повидала в этой жизни, причем такого, чего другим не дано понять. В ее голосе слышался некий надрыв, который не могли скрыть даже ликующие нотки победительницы. Вокруг нее тотчас же возник лес рук с изящными бокалами, сверкающими в ослепительном свете хрустальных люстр. Она уронила рожок, взяла бокал и под аплодисменты присутствующих осушила его одним глотком.

— А теперь, друзья, кто из вас прикурит мне сигаретку? Я потеряла свою, когда перепрыгивала через розовые кусты.

— Афина, дорогуша, ты же не собираешься изображать из себя леди Годиву, а?

По залу пробежал веселый смешок и внезапно оборвался. Оркестр перестал играть, и Виви оглянулась на звук приглушенных возгласов.

— Боже правый, что ты себе позволяешь?! — На середину зала вышла Лена Блумберг, в струящемся изумрудном платье, подчеркивавшем ее гордую осанку, и, сердито

подбоченившись, так что побелели костяшки пальцев, остановилась прямо перед нервно перебиравшей ногами лошадь. Лицо хозяйки дома было красным от едва сдерживаемой ярости, а глаза блестели ярче, чем массивные камни у нее на шее. У Виви от предчувствия неладного скрутило живот. — Ты меня слышишь?

Афина Форстер, казалось, нимало не смутилась:

— Это ведь охотничий бал. И старина Форестер почувствовал себя обделенным.

По залу снова пробежал смешок.

— Ты не имеешь права...

— Насколько я понимаю, у него больше прав находиться здесь, чем у вас, миссис Блумберг. Мистер Би сказал мне, что вы даже не охотитесь.

Стоявший рядом с Ви мужчина восторженно выругался громким шепотом.

Миссис Блумберг открыла было рот, но Афина небрежно от нее отмахнулась:

— Ой, только не надо так кипятиться! Мы с Форестером просто подумали, что могли бы придать всему этому... немного аутентичности. — Афина потянулась за следующим бокалом шампанского и осушила его с усталым видом, а затем вполголоса добавила: — Чего явно не хватает вашему дому.

— А ну, слезай! Немедленно слезай с лошади моего мужа! Да как ты смеешь?! Так-то ты благодаришь за гостеприимство! Оскорбляя хозяев дома!

Лена Блумберг даже в лучшие времена, несомненно, была весьма импозантной дамой. Высокий рост и аура больших денег служили прекрасной защитой от хамства, с которым ей доселе явно не приходилось сталкиваться. И хотя во время перепалки с Афиной Лена стояла не шевелясь, ощущение исходящей от нее холодной ярости на корню истребило остатки веселья в зале. Гости встревоженно переглядывались, усиленно гадая, у кого из участниц словесной дуэли раньше сдадут нервы.

В воцарившейся тишине уже чувствовалось нечто нездоровое.

Оказалось, что у Афины. Несколько коротких секунд, показавшихся вечностью, она не сводила с миссис Блумберг пристального взгляда, а затем выпрямилась, направила лошадь назад, заставив лавировать между столами, и остановилась только затем, чтобы стрельнуть сигаретку.

И тогда миссис Блумберг решила нанести завершающий удар:

— Меня предупреждали, что тебя нельзя приглашать в приличный дом, но твои родители уверили, что ты наконец чуть-чуть повзрослела. Они откровенно заблуждались, и я обещаю тебе, что, когда все закончится, я сообщу им о твоём поведении, причем в весьма нелестных для тебя выражениях.

— Бедняга Форестер, — напевно произнесла Афина, прикинув к шее лошади. — Ему ведь так хотелось сыграть в покер.

— Ну а пока я больше не желаю тебя видеть. До конца вечера. Тебе еще крупно повезло, юная леди, что погода не позволяет вышвырнуть тебя на улицу, — ледяным тоном бросила миссис Блумберг вслед Афине, направившей лошадь к французскому окну.

— Ой, я вас умоляю, не беспокойтесь обо мне, миссис Блумберг! — Афина повернула голову, лениво улыбнувшись очаровательной улыбкой. — Меня вышвыривали из *гораздо* более аристократических домов, чем этот. — Сжав бока коня ногами в расшитых туфельках, она заставила его перепрыгнуть через низкие каменные ступени и исчезла в снежной мгле.

В зале повисла гнетущая тишина, но затем по сигналу нестигаемой миссис Блумберг оркестр заиграл снова. Гости, обмениваясь удивленными восклицаниями, показывали друг

другу следы мокрых копыт на лакированном полу, а бал тем временем начал потихоньку оживать. Распорядитель бала объявил, что через пять минут в главном зале начнется соревнование по умению дуть в охотничий рожок, а для тех, кто проголодался, в столовой накрыт обеденный стол. И вот уже через несколько минут о дерзкой выходке Афины Форстер напоминали лишь лужицы растаявшего снега, а у невольных свидетелей инцидента он остался просто расплывчатым пятном в их памяти, поскольку мысленно они уже устремились навстречу новым развлечениям.

Виви тем временем смотрела на Дугласа. Он стоял возле огромного камина и не сводил глаз с уже закрытых французских окон, как до того не сводил глаз с Афины Форстер, когда та сидела на лошади в нескольких футах от него. Если остальные свидетели ее появления были явно потрясены или шокированы, то Дуглас, судя по восхищенному выражению его застывшего лица, испытывал нечто совершенно иное. Нечто такое, что испугало Виви.

— Дуглас? — Она направилась к нему, стараясь не поскользнуться на мокром полу. Но он, похоже, ее не слышал. — Дуглас? Ты обещал мне танец.

Однако Дуглас даже не сразу заметил Виви.

— Что? Ой, Ви. Да. Хорошо. — Его взор снова устремился к французским окнам. — Мне... мне только сперва надо выпить. Я принесу тебе бокал. Сейчас вернусь.

Именно в этот момент, как потом поняла Виви, она была вынуждена признать, что у ее вечера не будет сказочного конца. Дуглас так и не вернулся с напитками, и она битых сорок минут простояла у камина, рассеянно улыбаясь глянцевою улыбкой и стараясь выглядеть более-менее уверенно, чтобы не казаться балластом, за ненадобностью оставленным на обочине. Виви не хотелось покидать место у камина, ведь кругом сновали толпы народу, да и вообще, дом был слишком большим, и она боялась, что если паче чаяния Дуглас вспомнит о ней, то не сможет ее найти. Но когда Виви заметила, что расположившаяся возле цветочной композиции компания отпускает замечания по поводу ее одиноко стоящей фигуры, а какой-то официант уже трижды прошел мимо нее — первые два раза он предлагал ей напитки, а в третий раз поинтересовался, все ли у нее в порядке, — она решила принять повторное приглашение Александра на танец.

В полночь был провозглашен тост, а после началась некая странная неформальная игра, заключавшаяся в том, что молодой человек с прицепленным к пиджаку лисьим хвостом как сумасшедший носился по дому, азартно преследуемый своими приятелями в розовых пиджаках и с охотничьими рожками в руках. Один из них поскользнулся на натертом паркете и рухнул без чувств возле парадной лестницы. Но его дружок влил ему в рот бокал вина, и пострадавший моментально ожил: он встал на ноги, что-то бессвязно лопоча, и как ни в чем не бывало продолжил погоню. В час ночи Виви, мечтавшая вернуться в свою комнату, сказала Александру, что составит ему компанию за игровым столом, где он совершенно неожиданно выиграл семь фунтов в блэк-джек и в приступе непонятной щедрости заявил, что она должна забрать выигрыш себе. Виви уже мутило оттого, что он называл ее своим счастливым талисманом, хотя, возможно, ее тошнило от выпитого шампанского. В половине второго она застала миссис Блумберг за оживленной дискуссией с мужем в комнате, похожей на его личный кабинет. А еще Виви увидела вытянутые женские ноги в блестящих серовато-белых колготках. По ногам она сразу признала их обладательницу — это была та самая рыжеволосая девушка, которую Виви чуть раньше застала блюющей в окно.

Когда где-то вдалеке, на скрытой в снежной мгле церковной башне, часы пробили два

раза, Виви была вынуждена признать, что Дуглас не собирается выполнять свое обещание, а значит ей не суждено покоиться в его объятиях и в конце вечера не будет никакого долгожданного поцелуя. Оказавшись среди всего этого хаоса: визжащих девиц с красными лицами и бессмысленными взглядами, пьяных парней, растянувшихся на диванах или затевающих нелепые драки, — Виви поняла, что единственное, чего ей сейчас хочется, — это остаться одной в своей комнате и всласть поплакать вдали от посторонних глаз, не заботясь о том, что о ней могут подумать.

— Ксандер, я, пожалуй, пойду к себе.

Он болтал с кем-то из друзей, а его рука небрежно лежала у нее на талии.

— Что? — удивленно посмотрел на нее Александр.

— Я действительно очень устала. Надеюсь, ты не против. Спасибо за чудесный вечер.

— Ты не можешь прямо сейчас пойти спать. — Он театрально покружился на месте. —

Вечеринка только начинается.

Уши у него, заметила Виви, стали бордовыми, а глаза были наполовину прикрыты отяжелевшими веками.

— Прости. Ты был со мной ужасно милым. Если случайно наткнешься на Дугласа, тебя не затруднит сказать ему... что вечер для меня уже закончился?

— Дуглас? Не думаю, что Дуглас станет особо переживать, — раздался из-за плеча Александра чей-то лающий голос.

Стоявшие рядом парни многозначительно переглянулись и загоготали.

И что-то в выражении их лиц удержало Виви от дальнейших расспросов. Более того, поскольку она и так весь вечер ощущала себя чьей-то наивной, старомодной кузиной, ей не хотелось еще больше усиливать это впечатление. Виви зябко скрестила руки на груди и, уже не думая о том, что о ней скажут люди, пошла прочь из игрового зала. Впрочем, гости были слишком пьяны, чтобы обращать на нее внимание. Оркестранты сделали перерыв и, прислонив инструменты к стульям, угощались лежавшими на подносе канапе, а из динамиков звучал голос Дасти Спрингфилд, исполнявшей нечто томно-меланхоличное, отчего у Виви невольно навернулись слезы на глаза.

— Виви, ты не можешь вот так уйти. — У нее за спиной возник Александр. Он положил ей руку на плечо и развернул лицом к себе.

Судя по его порывистым движениям, он уже был под хорошим градусом.

— Александр, мне действительно очень жаль. Я замечательно провела с тобой время. Честное слово. Но я страшно устала.

— Пойдем... Пойдем поедим. Там уже собираются готовить на завтрак кеджери. — Он держал ее за руку немного крепче, чем допускали приличия. — Ты знаешь... а в этом платье ты... очень хорошенькая. — Он беззастенчиво пожирал глазами ее округлости. Видимо, под действием алкоголя у него отказали сдерживающие центры. — Очень мило, — произнес он и повторил на случай, если она вдруг не поняла: — Очень, очень мило.

Виви раздирали противоречивые чувства. Оттолкнуть Александра будет черной неблагодарностью со стороны Виви, ведь он весь вечер ее развлекал. И тем не менее Виви ужасно смущало то, как он смотрел на ее грудь.

— Ксандер, мы можем встретиться за завтраком.

Но он, похоже, ее не слышал.

— Проблема тощих женщин, — говорил он, обращаясь в основном к ее бюсту, — а в наше время полно тощих женщин...

— Ксандер?

— ...в том, что у них нет сисек. Я хочу сказать, нет сисек, заслуживающих внимания. —

При этих словах он протянул к ней руку, явно нацелившись на предмет своего вожделения.

— Ой! Ты... — Хорошее воспитание не позволило Виви ответить ему должным образом.

Она прикрыла одной рукой грудь и, не обращая внимания на несущиеся вслед вялые увещевания, быстрым шагом вышла из комнаты.

Нет, ей непременно надо найти Дугласа. А иначе она не сможет заснуть. Виви нужно было убедиться в том, что, хотя Дуглас весь вечер и находился вне пределов досягаемости, как только они отсюда уедут, он снова станет ее Дугласом: добрым, милым Дугласом, учившим Виви кататься на велосипеде, дважды водившим ее в кино на «Тома Джонса», пусть они тогда сидели и не в заднем ряду, и бывшим, по выражению ее отца, исключительно порядочным молодым человеком. Виви хотелось рассказать ему о приставаниях Александра, причем у нее внезапно затеплилась надежда, что неподобающее поведение друга станет для Дугласа импульсом к тому, чтобы осознать, как много она для него значит.

Проводить поиски стало уже намного легче, поскольку толпа гостей поредела до небольших скоплений народа, а веселые компании сделались менее аморфными, превратившись в некие сплоченные формирования людей на последнем издыхании. Гости постарше разошлись по своим комнатам, чуть ли не волоком утащив за собой находившийся на их попечении протестующий молодняк, а во дворе первый трактор уже пытался расчищать подъездную дорожку. Дугласа не оказалось ни в игорном, ни в бальном зале, не было его и в проходе за парадной лестницей, ни в Лисьем баре, где кучковались розовые пиджаки. Теперь на Виви практически никто не обращал внимания, стоявшие в воздухе алкогольные пары делали ее невидимой, да и время было позднее. Но Дуглас, похоже, тоже стал невидимым. У Виви даже возникло подозрение, а не улизнул ли он, часом, отсюда, тем самым выразив свое неприятие помпезных мероприятий для избранных представителей классового общества. Виви уныло шмыгнула носом, горько пожалев, что не потрудилась узнать у Дугласа, где находится его комната. Девушка настолько увлеклась фантазией на тему, как они с Дугласом возвращаются рука об руку в ее спальню, что ей даже в голову не пришло поинтересоваться, куда его поселили. Я его найду, решила она. Разыщу миссис Блумберг, и она мне все скажет. Или буду стучаться в каждую дверь в другом крыле, пока кто-нибудь не поможет мне его отыскать.

Она прошла по парадной лестнице, перешагивая через устроившиеся на ступенях парочки и прислушиваясь к отдаленному визгу девушек, радующихся тому, что оркестранты снова отважно вступили в бой. Виви устало поплелась мимо галереи фамильных портретов с не потускневшими от времени красками и подозрительно яркими золочеными рамами. Ворсистый ковер у нее под ногами был сплошь усеян окурками сигарет и использованными салфетками. Возле двери на кухню, откуда исходили аппетитные ароматы свежее выпеченного хлеба, она встретила Изабеллу, та в приступе бессильного смеха прислонилась к плечу обходительного молодого человека. Но сейчас Изабелла, похоже, вообще не узнала Виви.

Всего несколько футов — и коридор закончился. Виви посмотрела на массивную дубовую дверь, оглянувшись проверить, что ее никто не видит, и широко зевнула. Затем наклонилась, чтобы снять туфли, которые начали жать уже несколько часов назад. Ладно, пожалуй, стоит оставить их здесь, а надеть потом.

Именно тогда она прислушалась и услышала нечто странное: какой-то царапающий

звук, хриплый стон, словно кто-то спяну упал и теперь пытается подняться на ноги. Виви уставилась на дверь, откуда доносился шум, и поняла, что дверь слегка приоткрыта, поскольку из-под нее тянуло холодом. Виви, босиком, прокралась поближе; она стояла, зябко поеживаясь и удивляясь, почему не решается просто крикнуть и спросить, все ли в порядке. Помедлив, она нерешительно открыла дверь и заглянула внутрь.

Поначалу Виви решила, что женщина, должно быть, просто упала, поскольку мужчина, казалось, пытался ее приподнять, прислонив к стене. И первым порывом Виви было предложить свою помощь. Но затем притупленными от усталости органами чувств она уловила, что ритмичный шум, как от работающего поршневого насоса, исходит именно от этих двоих. И что длинные бледные ноги женщины отнюдь не подкашиваются, как у пьяницы, а, наоборот, наподобие змеи, обвивают его талию. А когда глаза Виви приспособились к темноте, она внезапно узнала длинные темные волосы, упавшие на лицо этой женщины, и одинокую, расшитую камнями и блестками бальную туфельку, все еще покрытую снежинками.

Виви застыла на месте от ужаса и отвращения, только через несколько секунд, к своему стыду, осознав, невольной свидетельницей чего ей пришлось стать. Она замерла, прислонившись спиной к полуоткрытой двери, и этот ужасный звук отдавался у нее в ушах, перекрывая громкий стук сердца.

Она собралась было уйти, но чем дольше она стояла, прислонившись к шероховатой поверхности, тем сильнее впадала в ступор, несмотря на то что у нее буквально зуб на зуб не попадал, а руки пошли красными пятнами от холода. Конечно, Виви надо было сломя голову бежать отсюда, но ноги почему-то стали ватными, и, хотя она никогда раньше не слышала звуков, подобных тем, что сейчас доносились до ее ушей, голос мужчины показался ей странно знакомым. А еще его затылок, уши с розоватыми мочками и четкая линия волос, в которую сзади упирался воротничок. Все это было до боли знакомым, таким, как двенадцать лет назад, когда она впервые в него влюбилась.

Она могла бы и не стать Дебютанткой года, а теперь, когда она сделалась вполне респектабельной, никто уже не упоминал, почему такое могло произойти. Впрочем, нашлось несколько светских обозревателей, сомневавшихся относительно того, что свадьбу Афины Форстер, которую называли Последней Дебютанткой, светской львицей, а иногда, особенно в кругу distinguished дам, — несколько менее лестно, и Дугласа Фэрли-Халма, сына крупного суффолкского землевладельца Сирила Фэрли-Халма, можно считать Бракосочетанием года.

В списке гостей было достаточно обладателей старых денег и двойных фамилий, чтобы отвести описанию знаменательного события вкупе с зернистыми черно-белыми фотографиями достойное место на страницах светской хроники. Прием организовали в одном из лучших элитарных мужских клубов на Пикадилли, его привычную помпезно-хващливую атмосферу, пропитанную клубами табачного дыма, на сей раз несколько смягчили весенние первоцветы и обильные драпировки из белого шелка. Отец невесты, у которого после отставки Профьюмо^[2] возникло стойкое убеждение о нравственном разложении общества, решил, что лучшей линией защиты против моральной анархии станет создание некоего оплота из уважаемых людей как доказательство того, что старая гвардия не сдается. В результате гости, в числе которых были политики, фронтовые товарищи и даже один епископ, оказались в основном пожилыми и непьющими, а с учетом неоднократно повторяющегося в речи отца невесты тезиса о необходимости «неукоснительно придерживаться высоких стандартов» все это не могло не вызвать насмешки у некоторых представителей молодого поколения. Однако присутствие молодежи, и тут гости были единодушны, делало мероприятие чуточку веселее. А новобрачная, вопреки ожиданиям, не стала эпатировать общество и нарушать каноны приличия; наоборот, она с легкой улыбкой сидела во главе стола и смотрела влюбленными глазами на своего молодого мужа.

Так вот, там был жених, бесспорно считавшийся завидной партией. Его хорошие манеры, приятная наружность и семейное состояние разбили сердца потенциальных тещ из нескольких графств. Даже когда он стоял, строгий и чопорный в своем свадебном костюме, а важность сегодняшнего события слегка давила на его широкие плечи, его безграничное счастье безудержно прорывалось наружу: он постоянно оборачивался на невесту и глаза его сразу теплели. И несмотря на то что рядом с ним были члены семьи, близкие друзья и сотня других людей, жаждавших передать свои наилучшие пожелания и поздравления, ему явно хотелось поскорее остаться наедине с невестой.

А еще там была невеста. Ее глаза с поволокой и скроенное по косой платье, буквально струившееся по фигуре, которая иначе казалась бы слишком тонкой, заставили даже самых ярых злопыхателей признать, что каким бы ни было ее поведение (а в данном случае диапазон мнений оказался достаточно широк), но эта девушка — редкостная красавица. Ее волосы, обычно в беспорядке разбросанные по плечам, сейчас были укрощены, покрыты лаком, изящно уложены на макушке и украшены тиарой с настоящими бриллиантами. И если у других девушек белый шелк наверняка придавал бы коже чуть-чуть сероватый цвет, то у нее она казалась гладкой и белоснежной, как мрамор. Ее аквамариновые глаза были умело подведены и подкрашены серебряными тенями, придававшими ее взору некий загадочный блеск. Она сдержанно улыбалась уголками губ, не разжимая рта, но, поворачиваясь к мужу,

одаривала его широкой белозубой улыбкой. Иногда они незаметно обменивались сдержанными ухмылками, и в этом интимном жесте сквозила такая неприкрытая страсть, что гости начинали нервно смеяться и смущенно отводить глаза.

И если в ответ на замечание гостей, какой сегодня удивительный день и по какому замечательному поводу они здесь собрались, на лице матери невесты читалось нечто большее, чем просто облегчение, все считали своим долгом деликатно промолчать. В такой день было не слишком уместно вспоминать, как еще несколько месяцев назад общество вынесло единодушный вердикт, что ее дочери не суждено найти себе приличную партию. А если некоторые дамы искренне недоумевали, почему столь грандиозную свадьбу устроили в такой спешке — через четыре месяца после первого знакомства, — причем невеста была явно не в том положении, когда промедление смерти подобно, то присутствующие на свадьбе мужчины вполне справедливо замечали, с определенной долей игривости, что раз уж единственный законный способ получить свою долю удовольствий — это вступить в брак, ведь невеста и впрямь лакомый кусочек, тогда зачем ждать?

Жюстина Форстер храбро улыбалась, сидя во главе стола. Она старательно игнорировала то, что ее вечно недовольный супруг по-прежнему дулся, поскольку из-за свадьбы пропустил ежегодную встречу ветеранов в Ипре (как будто это ее вина!), о чем он уже три раза успел упомянуть (один раз во время своей речи!), а также то, что дочь, сидевшая через два человека от нее, похоже, давала своему молодому мужу устный отчет о разговоре «между нами, девочками», который мать имела неосторожность завести накануне вечером.

— Дорогой, она считает, что противозачаточные таблетки — это аморально, — давясь от смеха, шептала Афина. — Говорит, что если мы пойдем за рецептом к старому доктору Харкорт, то и оглянуться не успеем, как об этом тут же донесут новому папе, и мы будем вечно гореть в геенне огненной.

Дуглас, не привыкший к столь откровенному обсуждению интимной жизни, старался сохранять хладнокровие, одновременно пытаясь отогнать от себя привычную волну вожделения к сидевшей рядом женщине.

— Я сказала ей, что папа, наверное, слишком занятой человек, чтобы переживать из-за какой-нибудь малышки вроде меня, случайно проглотившей противозачаточную конфетку, но в ответ получила решительное «нет». Подобно Господу Богу, Павел Шестой, или Восьмой, или какой там еще, знает абсолютно *все*: посещают ли нас нечистые мысли, вступаем ли мы в половые отношения исключительно ради удовольствия, не слишком ли мало денег кладем в тарелку для сбора пожертвований. — Она наклонилась поближе к мужу и добавила трагическим шепотом, явно предназначенным для ушей матери: — Дуглас, милый, возможно, он даже знает, где сейчас лежит твоя рука.

Левая рука Дугласа произвольно дернулась, он попытался, правда без особого успеха, заставить жену замолчать, а затем, выставив напоказ обе руки, поинтересовался у новоиспеченной тещи, не желает ли она воды.

Но поскольку смущение новобрачного было не вполне искренним, он достаточно быстро оправился от неловкости и решил для себя, что ему даже нравится непосредственность жены, ее пренебрежение социальными устоями и тесными рамками, ограничивающими их жизнь. Афина полностью разделяла еще не вполне сформировавшиеся взгляды Дугласа насчет того, что общественное мнение, собственно, не имеет особого значения и они могут стать пионерами в деле борьбы за свободу личности, а именно выражать себя, как им нравится, и делать все, что захочется, не обращая внимания на

условности. Дуглас собирался применить эти идеи при управлении отцовским поместьем, а Афина просто хотела жить по-своему. Обустройство нового дома ее не особо интересовало («Матери в этом лучше разбираются»), однако ей нравилось объезжать свою новую лошадь — предсвадебный подарок жениха, — лежать с книгой перед камином, ездить с мужем, если он был свободен, в Лондон на танцы, в кино, на шоу, ну а самое главное — проводить с ним время в постели.

Дуглас даже не представлял себе, что можно испытывать нечто подобное: дни проходили для него словно в тумане, впервые в жизни он оказался не в состоянии сосредоточиться на работе, семейных обязанностях и семейном бизнесе. Нет, все его органы чувств были настроены на плавные изгибы, тонкие ткани и соленые запахи. Его при всем желании больше не занимали недостатки правящего класса или дискуссионный вопрос о том, вытекает ли из принципа перераспределения общественных благ необходимость отдать часть своих земель. По крайней мере, все это потеряло актуальность и занимало его уже гораздо меньше, чем плотские утехы с молодой женой. Дугласа, который однажды признался друзьям, что ни одна женщина не сможет увлечь его так же сильно, как новая машина, поскольку их обеих, заявил он тогда с юношеской самонадеянностью, в любом случае придется через год заменить более современной моделью, теперь закружило в водовороте страстей, и та, единственная, замене не подлежала. Молодой человек, который скептически относился к бурным любовным романам, стараясь не ввязываться в амурные авантюры, и гордился своей способностью сохранять роль беспристрастного наблюдателя, теперь оказался втянутым в безвоздушное пространство... чего? Вожделения? Наваждения? Невозможно подобрать правильные слова, чтобы выразить эту слепую бездумность, эту — кожа к коже — ненасытную потребность, это торжество сладострастия. Эти горячие толчки...

— Ты собираешься пригласить старушку на быстрый танец?

— Что? — Дуглас, покраснев, уставился на своего отца, возникшего у него за спиной.

Небольшого роста, жилистый, отец в своем выходном костюме, как всегда, держался очень прямо. Его обветренное лицо утратило привычно настороженное выражение, смягчившись под действием алкоголя и гордости за сына.

— Я о твоей матери. Ты обещал ей танец. Она мечтает немного покружиться, если, конечно, мне удастся уговорить оркестрантов сыграть квикстеп. Так что тебе, мой мальчик, пора выполнять свои обязательства. Тем более что твоя машина скоро будет здесь.

— Ах да. Конечно. — Дуглас встал с места, пытаясь изменить ход своих мыслей. — Афина, милая, ты меня простишь?

— Но только при условии, что твой неотразимый отец в свою очередь пригласит бедную девушку на быстрый танец.

Дуглас вздрогнул, заметив насмешливый блеск в ее невинно распахнутых глазах.

— С удовольствием, дорогая. Не возражаешь, если я проведу тебя пару раз мимо Дики Бентала? Хочу показать ему, что есть еще порох в пороховницах.

— Мамочка, я побежала.

Серена Ньютон отвлеклась от своего шницеля по-венски, прекрасно приготовленного, хотя грибная подливка могла вызывать определенные сомнения, и удивленно посмотрела на дочь:

— Дорогая, ты не можешь уйти, пока они не уедут. А им еще даже не подали машину.

— Я обещала миссис Тесиджер посидеть с детьми. Хотелось бы сперва заехать домой переодеться.

— Но ты мне ничего не говорила. Я думала, ты вернешься домой со мной и папочкой.

— Только не в эти выходные, мамочка. Обещаю, через неделю или две непременно приеду. Было очень приятно вас снова увидеть.

Мамина щека была мягкой, сладкой, слегка припудренной, чем-то напоминавшей зефир. На маме были сапфировые серьги, те самые, что папа купил ей в Индии, когда его отправили служить вскоре после того, как они поженились. Отец тогда пренебрег советом ювелира, гордо рассказывала мать, отказавшись от более ценных камней и выбрав именно ту пару, что идеально подходила к глазам Серены Ньютон. Сапфиры в обрамлении бриллиантов по-прежнему поражали своей необычайной глубиной, тогда как глаза той, под цвет которых подбирались камни, выцвели за долгие годы забот и тревог.

За спиной у Виви раздались аплодисменты. Это новобрачный пригласил молодую жену на танец. Виви не моргнув выдержала испытующий взгляд матери. За последние месяцы она замечательно преуспела в умении скрывать свои чувства.

— Ты уже тысячу лет не была дома. Нельзя же все время убегать, — потянулась к дочери миссис Ньютон.

— Мама, я никуда не убегая. Я ведь тебе уже говорила. Сегодня меня попросили посидеть с детьми. — Виви успокаивающе улыбнулась матери широкой улыбкой.

Миссис Ньютон наклонилась вперед, положила руку на колено дочери и, понизив голос, сказала:

— Дорогая, я понимаю, что тебе пришлось очень нелегко.

— Ты о чем? — Виви внезапно покраснела.

— Я ведь тоже когда-то была молодой.

— Мамочка, я в этом и не сомневаюсь. Но мне действительно уже пора. Пойду попрощаюсь с папочкой.

Дав обещание позвонить и почувствовав легкий укол совести из-за расстроенного лица матери, Виви повернулась и начала выбираться из комнаты. Виви понимала причину маминого беспокойства: она стала выглядеть старше, она это знала наверняка, боль утраты оставила неуловимый, но заметный след на ее лице, лишив его детской пухлости и заострив черты. Какая ирония судьбы, размышляла Виви, что она начала достигать своего идеала красоты — худобы и нездоровой утонченности, — потеряв того, ради кого этого добивалась.

Более того, в последние несколько месяцев Виви, которая всегда была очень домашним ребенком, делала все возможное, чтобы как можно реже видиться с семьей. Сводила к минимуму телефонные разговоры, стараясь избегать упоминаний о ком бы то ни было за пределами семейного круга, общалась с родителями посредством коротких жизнерадостных посланий на открытках со смешными картинками, отказывалась от приглашения на папин день рождения, деревенский праздник, ежегодный теннисный турнир, устраиваемый семьей Фэрли-Халм, ссылаясь на плотный рабочий график, усталость или на несуществующие приглашения на светские мероприятия. Она устроилась на текстильную фабрику неподалеку от Риджентс-парка и отдалась новой работе с миссионерским рвением, не переставая удивлять своих работодателей способностью усердно трудиться, а семьи, где она в качестве подработки сидела с детьми, — своей безотказностью, в связи с чем Виви частенько возвращалась на свою съемную квартиру слишком усталая, чтобы думать. Что ее вполне устраивало.

После охотничьего бала Виви поняла: стоило ей упомянуть имя Дугласа, проявив нечто большее, нежели просто сестринский интерес, родители деликатно меняли тему разговора, возможно уже тогда зная, что она вовсе не та, кто ему нужен. Но Виви не слышала их; быть может, как поняла она позже, она не слышала *его*. Ведь, помимо всего прочего, он никогда ни взглядом, ни намеком не показывал, что его отношение к ней выходит за рамки невинных братских чувств.

Теперь, увидев, что он смотрит совсем в другую сторону, Виви покорилась судьбе. Нет, она не собиралась искать себе кого-нибудь другого, как неоднократно советовала ей мать. Виви Ньютон твердо знала, что принадлежит к несчастливому меньшинству. Она была девушкой, которая, потеряв любовь всей своей жизни и тщательно взвесив имеющиеся альтернативы, решила больше не вступать ни с кем в серьезные отношения.

Конечно, бесполезно было говорить родителям, которые начали бы сердиться, возражать и уверять ее, будто она еще слишком молода, чтобы считать, будто никогда не выйдет замуж, но она это знала наверняка. И не то чтобы Виви страдала так сильно, что потеряла надежду снова полюбить (хотя она действительно очень страдала и теперь не могла заснуть без своих «маленьких помощников», бензодиазепиновых транквилизаторов); более того, она отнюдь не считала себя обреченной на одиночество романтической героиней. Виви просто решила, в той непредвзятой манере, с какой принимала большинство решений, что она скорее будет жить одна, наедине со своей утратой, нежели тратить время на попытки приспособиться к другому человеку.

Она до смерти боялась этой поездки и тысячу раз пыталась найти подходящий предлог, чтобы отказаться от приглашения. Она только однажды разговаривала с Дугласом, когда он специально организовал встречу с ней в Лондоне. Ей было невыносимо видеть, что он неприкрыто счастлив и сексуально удовлетворен. Не замечая явного смятения Виви, Дуглас держал ее за руки, заставляя дать обещание, что она непременно придет: «Ви, ты мой самый старый друг. И я действительно хочу, чтобы ты была рядом со мной в такой день. Ты просто обязана прийти. Ну давай же, будь человеком!»

Итак, она вернулась домой, проплакала несколько дней — и стала человеком. Улыбалась, когда хотелось выть, рвать на себе одежду, совсем как в греческих трагедиях, срывать парчовые драпировки и свадебные баннеры, а еще царапать, царапать лицо этой ужасной девицы и бить ее по голове, по рукам, по груди, чтобы изуродовать все то, что так нравилось Дугласу. А затем, устыдившись своих кровожадных мыслей — однажды она проплакала целый день, случайно убив кролика, — Виви снова начинала улыбаться. Она улыбалась милой, лучезарной улыбкой, надеясь, вопреки очевидному, что если ей удастся сохранять безмятежный вид достаточно долго и уговорить себя, будто она живет нормальной жизнью, то в один прекрасный день видимость душевного равновесия станет явью.

Мать Афины застучала дочь, когда та курила на лестнице. В подвенечном платье, широко раздвинув колени, она дымила, будто посудомойка, сигареткой, которую стрельнула у кого-то из официантов. Жюстина доложила мужу о своем открытии с едва сдерживаемым негодованием, немало удивив даже такого старого вояку рассказом о колоритном ответе дочери.

— Что ж, Жюстина, я больше не несу за нее ответственности. — Полковник Форстер откинулся на спинку позолоченного стула, набил трубку, решительно отказываясь смотреть на жену, словно и она тоже в чем-то провинилась. — Мы выполнили свои обязательства

перед этой девицей.

Миссис Форстер наградила его возмущенным взглядом и повернулась к Дугласу, который задумчиво вертел бокал с бренди, размышляя над тем, что коньячный бокал в руке, безусловно, придает человеку солидности.

— Надеюсь, ты понимаешь, какую обузу взвалил на свои плечи?

— Лучшую девушку во всей Англии, если хотите знать мое мнение.

Дуглас, пьяный от вина и желания, сейчас любил весь мир и даже своих новых родственников с их кислыми лицами.

Он вспоминал вечер, когда сделал ей предложение. Тогда был проведен четкий водораздел: Жизнь До Афины и Жизнь После Афины, причем последний этап ознаменовался не столько обрядом торжественного шествия по церковному проходу, сколько фундаментальным изменением его личности и его места в этом мире. Для него, теперь уже женатого джентльмена, этот день был среди прочего отмечен коренной сменой системы взглядов, а именно качественной трансформацией из человека, находящегося в поиске и неуверенно пробующего новые подходы, точки зрения и пути самореализации, в Мужчину с большой буквы. Поскольку Афина наградила его этим званием. Он ощущал себя монолитной опорой для своей изменчивой, непостоянной жены, а ее независимость придавала ему основательность и уверенность.

Она обвилась вокруг него, как плющ, прекрасный и цепкий, растение-паразит, но при этом желанное. В тот вечер, когда он впервые увидел ее, он сразу понял, что она предназначена ему судьбой. Она вызывала в нем щемящую боль, неожиданное ощущение пустоты и какой-то нереализованности, о чем он даже и не подозревал. Она настроила его на лирический лад, сделала фаталистом. Причем в его словарном запасе раньше вообще не было подобных слов. Ведь в свое время он думал о женитьбе как о начале конца: для него женитьба была тем, что принято делать, когда встретишь подходящую девушку. От него, естественно, именно этого и ждали, а Дуглас не привык обманывать ожидания. Но в тот вечер она стояла в лифте лондонского ресторана, где они ужинали, и, не обращая внимания на очередь за спиной, придерживала ногой двери, а потом, задыхаясь от смеха, словно он, произнеся дрожащими губами заветные слова, сказал нечто очень смешное, ответила «да». Почему бы и нет? Это ведь так забавно. Затем они поцеловались, радостно и жадно, двери лифта дергались туда-сюда в тщетной попытке закрыться, а очередь за их спиной все росла, и рассерженные посетители уже заняли всю лестницу. И тогда он понял, что его жизнь больше не пойдет по накатанной колее, а полностью изменится самым фантастическим образом.

— Ты должен хоть немного ее вразумить, — сказал полковник Форстер.

Дуглас удивленно вскинул голову.

— Энтони! — Жюстина Форстер недовольно поджала губы. Затем открыла пудреницу и проверила макияж. — Она... Просто иногда с ней бывают проблемы.

— Но она мне нравится такой, какая она есть. — В голосе Дугласа послышались воинственные нотки.

Она любила таскать его по дансингам, где заправляли чернокожие, в сомнительных районах Лондона, распекая его даже за сдержанные сомнения и предлагая вместе с ней танцевать, пить, смеяться и жить. А поскольку в подобных местах она чувствовала себя как дома, его худшие опасения крайне редко оправдывались, и в результате он волей-неволей проверил на практике свои концепции относительно бедняков, чернокожих или людей,

непохожих на него. Помимо страхов, он преодолел с помощью Афины целый ряд внутренних запретов: курил и пил темный ром, а когда они оставались наедине, позволял себе заниматься с ней сексом такими способами, о каких раньше, в силу строгого воспитания, даже помыслить не мог, считая их не только вызывающими, но и, возможно, уголовно наказуемыми.

Потому что она не возражала. Ей было наплевать на шопинг, на моду, на меблировку и еще на целый ряд вещей, которые обычно волновали знакомых ему девушек, а его заставляли скучать. Если уж на то пошло, она наплевательски относилась и к собственным вещам: снимала туфли после танцев, ссылаясь на то, что они ей жмут, и забывала их снова надеть. А когда обнаруживался тот факт, что она осталась без обуви, Афина, в отличие от любой нормальной девушки, не оплакивала потерю и не переживала, как теперь доберется домой, а просто со смехом пожимала плечами. Дескать, найдется другая пара туфель. Да и вообще, какая тоска — беспокоиться о подобных вещах.

— Хорошо. Только потом не говори, дорогой, что мы тебя не предупреждали. — Жюстина Форстер смотрела на кусок свадебного торта с таким видом, словно опасалась, что тот ее укусит.

— Ужасно глупая девчонка, — зажигая трубку, заявил полковник Форстер.

— Что?

— Наша дочь. Впрочем, какой смысл ходить вокруг да около?! Ей еще крупно повезло, что она вообще вышла замуж.

— Энтони! — Миссис Форстер испуганно покосилась на Дугласа, словно опасаясь, что резкие комментарии полковника в адрес дочери могут заставить их новоиспеченного зятя передумать.

— Ой, да ладно тебе, Жюстина! Ее окружают никчемные молодые люди, да и она сама такая же никчемная. Неблагодарная, никчемная и неумная.

— А вот я вовсе не считаю ее никчемной. — Дуглас, которому было даже страшно подумать, что его родители могли бы так о нем говорить, решил вступить за жену. — По-моему, она храбрая, единственная в своем роде и очень красивая.

Отец Афины посмотрел на Дугласа так, словно зять признался в том, что он скрытый либерал.

— Так, понятно. Значит, ты не собираешься ей ничего говорить. Ну, не знаю, куда это приведет. Попробуй хотя бы ее немного приструнить. А иначе все это плохо закончится. И она вообще будет никому не нужна.

— Дуглас, дорогой, он совсем другое имел в виду. Он просто хотел сказать, что в свое время мы ее слегка распустили.

— Кого это вы распустили? — За спиной Дугласа появилась Афина. От нее пахло коньяком и сигаретным дымом, и у Дугласа непроизвольно внутри все сжалось. Полковник, что-то пробурчав, отвернулся от дочери. — Вы, случайно, не обо мне разговариваете?

— Мы просто говорили о том, что страшно рады. Мы рады, что ты наконец остепенилась, — успокаивающим тоном ответила Жюстина Форстер и взмахнула рукой, дав понять, что разговор окончен.

— Кто сказал, что мы остепенились?

— Дорогая, не строй из себя дурочку. Ты прекрасно понимаешь, что я имела в виду.

— Нет, решительно не понимаю. Остепениться? Какой вздор! Мы с Дугласом отнюдь не собираемся этого делать. Да, дорогой? — (Дуглас почувствовал сзади на шее ее прохладную

руку.) — По крайней мере, если это означает, что мы кончим так же, как и вы с папой.

— Афина, я не буду с тобой разговаривать, если ты продолжишь демонстративно говорить грубости.

— Мама, я вовсе не говорю грубости. В отличие от вас, когда вы обсуждали меня за моей спиной.

— Ужасно глупая девица, — пробормотал полковник.

Дуглас чувствовал себя страшно неловко.

— Полагаю, вы несправедливы к Афине, — вступился он за жену.

— Дуглас, дорогой, мы ценим твои благие намерения, но ты даже понятия не имеешь, через что нам пришлось из-за нее пройти.

Афина перегнулась через плечо мужа и взяла бокал с бренди, словно желая изучить его содержимое, а затем залпом выпила янтарную жидкость.

— Ой, Дуглас! Да не слушай ты их! — Она поставила бокал и потянула мужа за руку. — Они такие зануды! И вообще, сегодня наш день.

И буквально через минуту, проведенную на танцполе, Дуглас почти забыл о неприятном разговоре, поглощенный затянутыми в шелк округлостями, запахом ее волос, прикосновениями нежных рук. Когда она подняла голову, ее глаза были затуманены слезами.

— Теперь, когда мы уже женаты, нам вовсе не обязательно с ними видаться. — Похоже, она не просила, а скорее требовала от него заверений, что он согласен. — Нам вовсе не обязательно проводить половину времени, как эти напыщенные ничтожества, на жутких семейных сборищах.

— Дорогая, мы можем делать все, что захотим, — прошептал Дуглас, жарко дыша ей в шею. — Теперь есть только мы. И как мы захотим, так и будет.

Он наслаждался звуками собственного голоса, в котором слышались спокойствие и уверенность.

Она прижала Дугласа к себе — ее хватка оказалась неожиданно сильной — и уткнулась лицом в его плечо. И громкая музыка помешала ему расслышать ответ Афины.

— Это не займет и минуты, — пообещала гардеробщица. — Некоторые пальто почему-то оказались без номерков. Но мы сейчас разберемся.

— Отлично. — Виви притопывала ногой от нетерпения.

Отдаленные звуки свадебного приема поглощали ворсистые ковры, устилавшие лестницу и коридоры. Она смотрела, как мимо нее шествуют в туалет пожилые дамы с провожатыми и под неодобрительным взглядом одетой в униформу obsługi бегают вверх-вниз разутые ребятишки. Что ж, она не вернется домой до Рождества. И скорее всего, Дуглас и эта женщина — Виви до сих пор не могла заставить себя произнести ее имя, а тем более назвать ее его женой — на Рождество не приедут. Да и помимо всего прочего, его семья всегда уезжала кататься на лыжах.

Теперь, когда выяснилось, что мама все понимает, Виви стало немного легче. А если тоска по родителям будет уж совсем непереносимой, можно всегда пригласить их в Лондон, уговорив папу остаться там на уик-энд. Она покажет им блошинный рынок в Лиссон-Гроув, сводит в зоопарк, отвезет на такси в венское кафе в Сент-Джонс-Вуде, чтобы угостить кофе с пенкой и выпечкой с корицей. А к тому времени она, быть может, вообще перестанет думать о Дугласе. И не будет чувствовать ничего похожего на физическую боль.

Нет, видимо, она никогда не получит свое пальто. И тут она заметила, что рядом с ней,

увлеченные разговором, курят двое мужчин с номерками в руках.

— И Элфи постарался приурочить к этому дню поездку в Уимблдон. Кто ж спорит, он поступил совершенно правильно. Я имею в виду, если ее поведет по проходу кто-то другой...

Виви даже не вздрогнула. Она притворилась, будто увлеченно изучает деревянную резьбу на стене, в очередной раз задавая себе вопрос: через сколько времени это внешнее спокойствие начнет отдаваться внутренней болью?

А спустя двадцать минут перед ней уже стояла мама в своем парадном костюме из шерстяного букле, прикрываясь сумочкой, как щитом.

— Я понимаю, что тебе было непросто, — говорила мама. — Но я не уверена, что ты должна вот так убегать. Ну давай поедem все вместе домой.

— Я же тебе говорила...

— Не стоит из-за них лишать себя дома. Машина уже уехала. Их не будет по крайней мере две недели.

— Мамочка, дело не в этом. Честное слово.

— Ладно, Виви. Настаивать не буду. Я просто не могла тебя отпустить, толком и не поговорив. Не надо нас избегать. Мне больно думать, что ты там одна в этом своем Лондоне. Ты ведь еще так молода. Ну а кроме того, мы с папой ужасно по тебе скучаем. Ты что, потеряла номерок? — (Виви смотрела невидящими глазами на свою протянутую руку, в которой ничего не было.) — А я уже было решила, что ты ушла. Ладно, мы в любом случае узнаем твое пальто.

Виви тупо покачала головой:

— Прости. Мне надо было... сходить в туалет.

— Папа действительно очень хочет тебя видеть. Ты должна помочь нам выбрать собаку. Видишь ли, он наконец-то согласился завести песика, но ему кажется, что было бы лучше, если бы вы с ним сделали это вместе. — Мамино лицо светилось надеждой, словно она считала, будто детские радости способны избавить человека от взрослой боли. — Может быть, спаниеля? Тебе ведь всегда нравились спаниели.

— Оно зеленое?

— Простите?

Гардеробщица тщательно прятала свое раздражение за вежливой улыбкой.

— Ваше пальто зеленое? С крупными пуговицами? — Она показала на вешалку у себя за спиной. Виви узнала знакомый бутылочный цвет.

— Да, — прошептала она.

— Ох, Виви, милая моя, поверь мне, я действительно все понимаю.

Глаза миссис Ньютон даже потемнели от сочувствия. От нее пахло знакомыми с детства запахами, и Виви с трудом поборола желание прижаться к маминой груди в поисках утешения. Но сейчас в мире не было ничего, что могло бы ее утешить.

— Я знаю, что ты испытывала к Дугласу. Но Дуглас... Он теперь выбрал свой жизненный путь, и ты должна с этим смириться. Постарайся оставить все это в прошлом.

Голос Виви стал неестественно ломким.

— Мама, я оставила все это в прошлом.

— Не могу видеть, когда ты такая. Такая грустная... и... ну, я просто хотела, чтобы ты знала... что даже если ты не хочешь со мной об этом говорить... а девушки не всегда делятся с матерями... я все понимаю. — Она погладила Виви по голове, убрав волосы с ее лица

привычным материнским жестом.

Нет, мамочка, ничего ты не понимаешь, подумала Виви. У нее тряслись руки, она оставалась белой как полотно, поскольку до сих пор не оправилась от того, что услышала. Источником ее боли было не совсем то, о чем предполагала мама. Ту боль Виви еще как-то сумела бы перенести. Гораздо легче смириться с утратой любимого человека, находя утешение в том, что он, по крайней мере, счастлив. Ведь в этом и заключается настоящая любовь, разве нет? В любом случае, в пожелании счастья тому, кого любишь.

И даже если у матери и имелось некое представление о глубине страданий дочери и ее чувства утраты, маме не дано было понять невольно подслушанного Виви разговора. Или того, почему Виви, у которой снова открылась кровоточащая рана в душе, не могла никому его передать.

— Кто ж спорит, он поступил совершенно правильно, — сказал тогда тот мужчина. — Я имею в виду, если тебя поведет по проходу кто-то другой...

— Все верно, но...

— Но что?

— Чего уж там скрывать! За ней нужен глаз да глаз. Разве нет?

— Что?

— Ой, да ладно тебе! Эта девица еще та шлюшка.

Виви застыла как изваяние.

Говоривший понизил голос до шепота, явно придвинувшись поближе к собеседнику:

— Тони Уоррингтон встретил ее во вторник. Давай пропустим по стаканчику в память о старых временах, сказала она. Когда он жил в Виндзоре, они какое-то время встречались. Вот только под «старыми временами» она, скорее, подразумевала веселые времена, если ты понимаешь, о чем я.

— Ты шутишь!

— Представляешь, буквально за неделю до свадьбы! Тони сказал, что ему не больно-то и хотелось. В плохой форме и все такое. Но она набросилась на него как сумасшедшая.

У Виви зазвенело в ушах. Она схватилась за стенку, чтобы не упасть.

— Ни хрена себе!

— Вот такие дела. Только держи язык за зубами, старина. Зачем портить человеку праздник! И все же... остается только посочувствовать бедняге Фэрли-Халму.

Дуглас откинулся на спинку стула и, задумчиво посасывая кончик шариковой ручки, уставился на лежавшие перед ним плотно исписанные страницы с планами. У него ушло несколько недель работы до глубокой ночи, но теперь он был совершенно уверен, что справился.

Свою программу он основывал частично на идеях великих социальных реформаторов, своего рода практического руководства к действию, а также на американской концепции общественных работ, о которой когда-то читал. Да, получилось нечто весьма радикальное, спору нет, но это могло сработать. Нет, поправил себя Дуглас, это точно сработает. И полностью преобразит их поместье.

Сотни акров земли, где выпасали огромный табун лошадей фризской породы, правила содержания которых после вступления в силу Единой сельскохозяйственной политики, как неоднократно замечал отец Дугласа, могли превратить нормального человека в буйнопомешанного, можно отдать независимой сельскохозяйственной коммуне. Рабочие могли бы жить в полуразрушенных временках, а для их починки использовать древесину из леса Мистли. Там имелся источник воды, а также старые сараи, которые можно было приспособить для содержания небольшого количества домашнего скота. Если в коммуне найдутся искусные ремесленники и кустари, то вполне можно будет открыть студию, чтобы потом продавать керамику или что-нибудь еще, а небольшой процент от дохода отдавать владельцам поместья.

Дальше четыре поля в Пейдж-Хилл, выделенные под сахарную свеклу, могут быть разделены на небольшие земельные участки, где местные жители смогут выращивать овощи. Рынок продуктов питания местного производства интенсивно развивается, и растет число людей, желающих вернуться к природе. Фэрли-Халмы будут взимать с них минимальную арендную плату, а в качестве частичной оплаты — брать продукты. Это станет своего рода возвращением к арендованному хозяйству, к образу жизни предков, но без феодального отношения к крестьянам. Такая схема обеспечит самокупаемость, а быть может, и некоторый доход. Если план окажется эффективным, то сверхприбыль можно будет вложить в какой-нибудь другой проект, возможно в образовательную программу. Типа тех, что помогают правонарушителям в городах приобрести полезные знания, например в области землеустройства.

Поместье было слишком большим, чтобы им управлять в одиночку. Дуглас слышал это от отца, наверное, миллион раз. Как будто его, Дугласа, не брали в расчет. Конечно, у них был управляющий, старший скотник и сезонные рабочие, а еще егерь и разнорабочий, но основная ответственность за происходящее лежала на Сириле Фэрли-Халме — ответственность, которую он нес на своих плечах уже без малого сорок лет. Это означало не только управление землями, но и проведение сложных расчетов, включая дополнительные ассигнования, что подразумевало интенсивную механизацию, меньшую диверсификацию, более широкое использование химических гербицидов и удобрений. Отец Дугласа вечно брюзжал, что, вместо того чтобы постоянно выкорчевывать живые изгороди, не лучше ли продать скот, распахать поля под зерновые, наподобие американских ферм, и раз и навсегда покончить с этим, а местные старики, которые когда-то пахали на лошадях, вообще считали, что если механизация пойдет такими темпами, то скоро отпадет надобность не только в

животных, но и в людях.

Короткий период самоанализа после знакомства с Афиной позволил Дугласу понять, что его, собственно, никогда не прельщала идея унаследовать поместье Дируорд. Как ни крути, но Дуглас не заработал его собственным трудом: ему казалось в корне неверным брать на себя полномочия, подразумевающие власть и богатство, именно тогда, когда непотизм и феодализм начали постепенно отмирать. Дуглас не считал, что в свои двадцать с небольшим он имеет право распоряжаться поместьем и брать на себя обязательства за жизнь тех, кто работает на земле.

Когда Дуглас впервые поднял эту тему в разговоре с отцом, Сирил посмотрел на него так, будто обнаружил, что сын стал коммунистом. Возможно, старик и использовал это слово. А Дуглас, у которого хватило ума понять, что отец вряд ли способен принять всерьез недоработанный план, заткнулся и отправился проверять, как идет дезинфекция доильного помещения.

Однако сейчас у него уже был разработан целый набор конкретных предложений, рассмотрев которые даже его отец сможет признать, что с их помощью они сделают шаг вперед в будущее и их поместье станет новой моделью не только ведения сельского хозяйства, но и социальных перемен. А он, Дуглас, станет наследником традиций таких великих реформаторов, как Раунтри и Кэдбери, считавших, что сами по себе деньги не самоцель и зарабатывать их стоит главным образом для улучшения социальной и окружающей среды. Дуглас тут же нарисовал в воображении довольных рабочих, которые с удовольствием едят продукты собственного производства и, вместо того чтобы пропивать недельный заработок в «Белом олене», занимаются самообразованием. На дворе был 1965 год. Дул свежий ветер перемен, пусть даже обитатели Дир-Хэмптона отказывались это признавать.

Дуглас аккуратно собрал страницы, благоговейно положил их в картонную папку, а папку сунул под мышку, проигнорировав кипу писем, на которые предстояло ответить. Весь последний месяц ему пришлось отбиваться от жалоб туристов и собачников на то, что он перегородил свои поля, тянувшиеся до самого леса, деревянными изгородями для выпаса овец. Дуглас всегда любил овец. Он до сих пор с восторгом вспоминал о том, как гостил у фермера, который разводил овец камберлендской породы и считал их на древнем и совершенно непонятном диалекте: ян, тан, тетера, петера, пимп, сетера, летера, хове́ра, кове́ра, дик...^[3] Деревенских жителей, которые могли по-прежнему ходить по полям, это тоже не устраивало. Им не нравилось чувствовать себя, как они выражались, взаперти. Дугласа так и подмывало ответить, что сельчанам вообще повезло иметь доступ к полям; более того, если бы не меры по обеспечению финансовой стабильности поместья, его вообще отдали бы на откуп девелоперам, как в свое время продали под застройку когда-то роскошное поместье Рамптон в четырех милях от них. Вот тогда бы он посмотрел, как бы они заплясали.

Однако поскольку Дуглас, как представитель семьи Фэрли-Халм, должен был хотя бы внешне соблюдать приличия, он предложил всем недовольным представить ему претензии в письменном виде для дальнейшего рассмотрения.

Дуглас бросил взгляд на часы и нетерпеливо побарабанил пальцами по письменному столу. Когда отец удалится в свой кабинет, чтобы, как всегда, уделить полчаса бумажной работе (обычно это заканчивалось тем, что отец просто сидел с закрытыми глазами — ну, вы понимаете, чтобы снять усталость), Дуглас представит ему свой план. И тем самым,

возможно, внесет свою лепту в модернизацию поместья Дируорд.

А тем временем мать Дугласа Фэрли-Халма сняла перчатки и шляпу, загнала собак в подсобное помещение и взглянула на висевшие в прихожей часы, отметив для себя, что вернулась домой за полчаса до ланча. Правда, никакой особой подготовки от нее не требовалось. Она отправилась в путь в надежде, что ее хотя бы пригласят на чашечку кофе, и соответственно приготовила все для ланча заранее. И хотя ей пришлось пройти пешком приличное расстояние и на пороге дома своего сына она появилась насквозь продрогшая — каждый год она почему-то напрочь забывала, какие сюрпризы может преподнести март, — и явно нуждалась в отдыхе, невестка решительно отказалась пригласить ее в дом.

У нее с самого начала не задалась отношения с Афиной. Да и кто вообще сумел бы поладить с этой девицей?! Тем более что Афина была далеко не подарком: вечно предъявляла немыслимые претензии к Дугласу, а сама тем временем отказывалась быть ему хорошей женой. Но Сирил попросил жену постараться хоть немного подружиться с Афиной.

— Пригласи ее на утренний кофе или вроде того. Дуглас говорит, она скучает. Ему будет куда легче, если вы подружитесь.

Мать Дугласа никогда особо не любила женское общество. Слишком много сплетен и шума из-за пустяков. Но она была хозяйкой поместья, а это было сопряжено с определенными неудобствами. Ведь люди ожидали, что она будет болтать не закрывая рта, рассказывать о благотворительных утренниках и праздниках, хотя единственное, чего ей хотелось, — это заниматься домом и садом. Но поскольку Сирил не так часто ее о чем-то просил, она все же решила пройти две мили по сельской дороге, что вела к Филмор-Хаусу, внушительной резиденции в стиле королевы Анны, которую два года назад Сирил подарил своему единственному сыну на свадьбу.

Афина все еще разгуливала в неглиже, хотя время близилось к полудню. Но она, похоже, нимало не смутилась, что ее застали полуодетой.

— Я дико сожалею, — заявила Афина, всем своим видом давая понять, что ничуть не сожалеет. На лице ее появилось выражение удивления, сменившееся равнодушной очаровательной улыбкой. — Но сегодня я никого не принимаю.

Она лениво зевнула, прикрыв рот рукой, ее халат из легкой ткани распахнулся, позволив увидеть тончайшую ночную рубашку, едва прикрывавшую бледную грудь, что отнюдь не смутило Афину, хотя в любую минуту мимо мог пройти кто-нибудь из местных мужчин.

Такое вопиющее нарушение приличий выбило у пожилой дамы почву из-под ног.

— Я надеялась, что мы сможем выпить вместе по чашечке кофе, — выдавила она слабую улыбку. — Последнее время мы тебя совсем не видим.

Афина с несколько раздраженным видом смотрела поверх головы собеседницы, словно та привела с собой толпу визитеров, требующих чая и светских разговоров.

— Сирил спрашивал... Словом, мы оба хотели знать, как ты поживаешь.

— Вы невероятно добры. Я была страшно занята. — Улыбка Афины несколько померкла, когда она увидела, что свекровь даже не думает уходить. — И сегодня чувствую себя немного усталой. Вот почему никого и не принимаю.

— Я надеялась, мы сможем немного поболтать. О вещах...

— Ой, я так не думаю. Но это очень мило с вашей стороны, что вы обо мне вспомнили.

— У нас есть пара вопросов, которые мы хотели бы с тобой...

— Была очень рада повидаться. Надеюсь, мы скоро встретимся.

После короткого обмена фразами, почти демонстративного прощания и без малейшего намека на извинения Афина демонстративно закрыла дверь. И ее свекровь, вообще-то имевшая обыкновение называть вещи своими именами, была настолько ошеломлена, что не успела обидеться.

И при всей уверенности в себе даже она не знала, как лучше представить мужу подобный поворот событий. Собственно, в чем она могла обвинить Афины? В том, что та встретила ее в ночной рубашке? Но Сирил вполне способен счесть это очаровательным — хуже того, он может дать волю своему воображению, а уж она-то знала, чем это могло закончиться. Что Афина отказалась угостить ее кофе? Но Сирил скажет, что жена сама виновата и ей следовало предупредить Афины заранее, хотя бы позвонить по телефону перед уходом. Кстати, именно упорное стремление всегда стоять на страже справедливости больше всего и раздражало ее в муже. И она мудро решила вообще ничего не говорить, но когда пришел Дуглас, отвела его в сторонку и без обиняков заявила, что если его жена отказывается ходить в приличном виде, то нечего тогда вообще открывать дверь посетителям. Ведь им как-никак надо думать о чести семьи. Однако Дуглас в ответ лишь удивленно заморгал, и она вдруг почувствовала острую жалость к сыну и в то же время некоторое раздражение из-за того, что он вылитый отец. Ты предупреждаешь сыновей об опасности чуть ли не с детских лет. Год за годом. Но как только дело доходит до подобных девиц, все материнские увещания пропадают втуне.

Сирил Фэрли-Халм положил салфетку и посмотрел на часы. Это был своеобразный ежедневный ритуал в короткий промежуток времени между окончанием трапезы и вопросом жены, не хочет ли он выпить кофе, прежде чем уйти к себе в кабинет. По радио за его спиной, как обычно в конце обеда, диктор ровным голосом сообщал прогноз погоды, и все члены семьи замолкали, чтобы не мешать хозяину дома слушать.

— Отлично, — спокойно произнес Сирил. — Пирог с дичью выше всяких похвал.

— Изумительно вкусно. Спасибо, мама. — Дуглас снял с груди салфетку и, скомкав, положил на стол.

— Фирменное блюдо Бесси. Я передам ей, что тебе понравилось. Ну как, у вас найдется время выпить кофе?

Обеденный стол был, как всегда, тщательно накрыт, и, несмотря на заурядность события, мать поставила парадный сервиз. Она собрала тарелки и с прямой спиной вышла из комнаты.

Дуглас проводил ее глазами, слова будто застряли в горле, а эмоциям стало тесно в груди.

Его отец принялся сосредоточенно набивать и зажигать трубку, морщины на его худом загорелом лице привычно обострились. Затем он посмотрел на сына, словно удивляясь, что тот, по своему обыкновению, еще не ушел.

— Деннис сегодня сажает картошку, — сказал Сирил.

— Да, — кивнул Дуглас. — Я собирался от вас поехать прямо туда.

Отец погасил до половины обгоревшую спичку и едва слышно чертыхнулся, непроизвольно покосившись на дверь, за которой исчезла жена.

— Надо проверить, соблюдает ли он расстояние. А то в прошлом году картошка была посажена слишком тесно.

— Да, папа, ты уже говорил. Я непременно ему напомню.

Сирил снова уставился на свою трубку.

— Ну как, ждешь прибавления? — неожиданно спросил он.

— Что? Ой... — (У отца всегда было не разобрать, шутит он или нет.) — Ой, нет. На самом деле, папа, мне надо с тобой кое-что обсудить.

Трубку наконец-то удалось зажечь. Выдохнув тонкую струйку дыма, отец откинулся на спинку стула, морщины на его лице немного разгладились.

— Ну давай выкладывай, — добродушно произнес он.

Дуглас посмотрел на отца и принялся судорожно вспоминать, куда он положил свои записи. Затем встал, взял с буфетной полки папку и аккуратно выложил бумаги перед отцом на стол.

— А что это такое?

— То, о чем я как раз и собирался с тобой поговорить. Мои предложения. По поводу преобразования поместья.

Дуглас поменял местами странички и, отойдя в сторонку, принялся наблюдать за отцом, который, склонившись над столом, уставился на бумаги:

— Идеи по преобразованию поместья?

— Я работаю над этим уже много лет. Меня подстегнула эта история с Единой сельскохозяйственной политикой, ну а еще твои разговоры, что ты готов прекратить производство молочных продуктов. Мы можем прикинуть, как устроить все немного иначе.

Сирил безучастно слушал сбивчивую речь сына. Затем снова заглянул в бумаги:

— Передай мне очки, пожалуйста.

Дуглас, проследив направление отцовского указующего перста, нашел очки и протянул отцу. Судя по раздававшимся из кухни звукам выдвигающихся и задвигающихся ящиков, мама доставала и ставила на поднос чайную посуду. У Дугласа внезапно застучало в висках. Он сунул руки в карманы, затем снова вытащил, с трудом борясь с искушением подскочить к столу, чтобы показать отцу некоторые параграфы.

— Я тут еще приложил карту. — У Дугласа больше не осталось сил сдерживаться. — А поля специально обозначил разными цветами в соответствии с их использованием.

Время тянулось мучительно медленно, а потом как будто остановилось. Дуглас во все глаза смотрел на отца, изучавшего бумаги, но лицо Сирила оставалось абсолютно бесстрастным. В комнате было тихо, только за окном кого-то неистово облаивали собаки.

Наконец отец снял очки и выпрямился. Его трубка потухла, и, внимательно проверив ее, он положил трубку на стол возле себя.

— Так, значит, этому тебя научили в сельскохозяйственном колледже?

— Нет, — ответил Дуглас. — На самом деле это все мои собственные идеи. Словом, я очень много читал про кибуцы и все такое, ну и, сам понимаешь, естественно, о Раунтри, но...

— Потому что, если это так, значит мы просто пустили на ветер каждый чертов пенни, потраченный на твое обучение! — с напором произнес Сирил; и его слова были точно разящие пули, так что Дуглас даже подскочил, будто от физической боли.

Однако лицо отца по-прежнему ничего не выражало, только вспыхнувшие глаза да внезапная бледность обычно румяного лица говорили о сдерживаемом гневе.

Они сидели молча, пристально глядя друг на друга.

— Я всегда считал тебя здравомыслящим человеком. Мне казалось, мы с детства привили тебе понимание того, что правильно и что...

— Но это правильно, — перебил отца Дуглас, несколько повысив голос. — Правильно возвращать что-то людям. Правильно, что каждый имеет право на свою долю земли.

— Выходит, по-твоему, я должен все отдать, да? Разделить на участки и распределить между желающими? Сказать им, чтобы вставали в очередь?

— Папа, земля по-прежнему останется нашей. Мы просто дадим другим людям возможность работать на ней. Мы ведь даже не умеем правильно все это использовать.

— Так думаешь, будто люди вокруг спят и видят, чтобы работать на земле? А ты хоть кого-нибудь из них об этом спрашивал? Молодежь сейчас вовсе не жаждет пахать и сеять. Они не желают в любую погоду выпалывать сорняки и разбрасывать навоз. Они хотят жить в городах, слушать поп-музыку и все такое. А ты хоть представляешь, как долго мне пришлось в прошлом году искать работников для заготовки сена?

— Мы найдем людей. Всегда отыщутся люди, которым нужна работа.

Отец с отвращением пошелестел лежащими перед ним бумажками:

— Это не какой-то там социальный эксперимент. Эта земля полита нашим потом и кровью. Поверить не могу, что вырастил собственного сына, научив его всему, что знаю о нашем поместье, лишь для того, чтобы он отдал его в чужие руки. Заметь, даже не продал! А просто взял и отдал за просто так! Ты... ты хуже, чем любая девчонка!

Он выплюнул эти слова, будто у него внезапно разлилась желчь. Дуглас еще ни разу не слышал, чтобы отец повышал на него голос, и теперь буквально затрясся от обиды. Он попытался собраться с мыслями и урезонить отца, но тут заметил в дверях мать, застывшую с подносом в руках.

Отец молча прошел мимо нее и, нахлобучив на голову шляпу, выскочил из дому.

Мать Дугласа поставила кофе на стол и посмотрела на растерянное лицо сына, почти такое же несчастное, как тогда, когда ему, восьмилетнему мальчугану, отец всыпал по первое число за то, что тот пустил одну из собак в помещение для отела. С трудом поборов желание успокоить сына, мать осторожно поинтересовалась, что случилось.

Дуглас молчал, и матери показалось, будто сын пытается сдержать слезы. Он ткнул пальцем в лежавшие на столе странички:

— У меня имелись кое-какие идеи насчет поместья. — Он замолчал, а затем продолжил срывающимся голосом: — Отцу они не понравились.

— А можно мне взглянуть?

— Ради бога.

Она заняла стул мужа и принялась внимательно просматривать записи. У нее ушло всего несколько минут на то, чтобы вникнуть в суть предложений Дугласа, затем она уставилась в цветную карту, пытаясь воссоздать ход его мыслей.

Она подумала о муже, о нехарактерной для него вспышке ярости, и сочувствие к сыну неожиданно сменилось злостью. Молодые люди бывают такими беспечными. Им недосуг задуматься над тем, через что пришлось пройти предыдущим поколениям. Мир становится сборищем эгоистов, и, несмотря на свою беззаветную любовь к единственному сыну, она вдруг преисполнилась ярости: ее бесил Дуглас с его вопиющим инфантилизмом, его бесстыжая, никчемная жена, да и все их поколение в целом.

— Предлагаю тебе все это сжечь, — сгребая странички, заявила мать.

— Что?

— Избавься от этого. Если тебе повезет, то отец рано или поздно забудет о вашем

разговоре.

На лице сына были написаны обида и разочарование.

— Ты что, даже не хочешь ознакомиться с моими идеями?

— Дуглас, я уже с ними ознакомилась, и они... неприемлемы.

— Мама, мне двадцать семь лет. И я заслужил право голоса в управлении поместьем.

— Ты заслужил?! — У нее сжало грудь, и слова вылетали пулеметными очередями. —

Все, о чем беспокоится ваше поколение, так это то, что вы, дескать, заслужили! Твои идеи оскорбительны для отца, поэтому подумай о моем предложении и давай закончим разговор.

Дуглас, сраженный ее ответом наповал, беспомощно оперся о стол:

— Нет, я категорически не понимаю вашей бурной реакции.

При этих словах остатки материнской жалости, теплившейся в груди, моментально испарились.

— Дуглас, присядь! — скомандовала она, опустившись на стул напротив него. Сделала глубокий вдох, пытаясь подобрать нужные слова. — Так вот, молодой человек, я хочу рассказать тебе кое-что о твоём отце. Ты понятия не имеешь, через что ему пришлось пройти ради сохранения поместья. Ни малейшего понятия. Когда отец унаследовал поместье, оно было полностью разорено. Цены на пшеницу тогда были самыми низкими на нашей памяти, работники массово подались в город, поскольку мы не могли им платить, и нам не удавалось сбыть это несчастное молоко. Отцу тогда пришлось продать практически всю мебель, все картины, за исключением портретов, фамильные драгоценности своей матери, кстати единственную память о ней, лишь бы сохранить поместье. — Она заглянула сыну в глаза, чтобы понять, осознает ли он важность сказанного, и продолжила: — Конечно, ты тогда еще был слишком мал, чтобы хоть что-то помнить, но во время войны поместье реквизировали, и здесь даже жили немецкие военнопленные. А ты разве не знал? Брат твоего отца, летчик, погиб в воздушном бою, а нам пришлось взять к себе немцев, — она буквально выплюнула это слово, — чтобы удержаться на плаву. Грязные воры — вот кто они такие, таскали у нас еду и все такое. Украли даже детали от сельхозтехники.

— Ничего они не крали. Это сделали парни Миллера.

Мать горестно покачала головой:

— Дуглас, он денно и ночью работал на этих полях, по колено в грязи, под дождем, снегом и градом, и так всю свою сознательную жизнь. Он приходил домой с изодранными в кровь руками после прополки сорняков и с обожженной спиной после двенадцатичасовой работы под палящим солнцем. Я хорошо помню те вечера, когда после еды он засыпал прямо за обеденным столом. А когда я будила его, шел чинить крыши в домах арендаторов или разбираться с дренажем. И вот впервые у нас появились деньги, чтобы он мог немного расслабиться. Впервые он смог позволить себе нанять людей в помощь. И вот ты, его надежда и опора, его гордость, его единственный наследник, ты говоришь ему, что хочешь отдать поместье кучке битников или кому там еще.

— Это не совсем так, — покраснел Дуглас.

Но мать уже сказала свое веское слово. Она встала и налила кофе. Добавила молока и придвинула чашку поближе к сыну.

— Надеюсь, нам больше не придется возвращаться к этому разговору, — произнесла она уже более спокойным тоном. — Да, ты еще молодой человек, и у тебя полно грандиозных идей. Но поместье важнее твоих идей. И мы не для того за него боролись, чтобы позволить тебе уничтожить плоды наших усилий. Дуглас, оно не твое, а потому ты не имеешь права так

бездарно его разбазарить. Ты пока доверительный собственник, попечитель. И твоя обязанность — проводить лишь те нововведения, что необходимы для его поддержания.

— Но ты же говорила...

— Мы говорили, что поместье будет твоим. А вот чего мы никогда не говорили, так это того, что можно менять его естественное назначение. А это, во-первых, сельское хозяйство, а во-вторых — обеспечение крова для следующих поколений Фэрли-Халмов. — В комнате повисла напряженная тишина. Чтобы успокоиться, она сделала большой глоток кофе и продолжила уже примирительным тоном: — Когда у тебя появятся свои дети, тогда ты, наверное, все сам поймешь.

Над домом пролетел самолет, и радио затрещало от внезапных помех. Она повернулась и настроила приемник. И все, казалось, снова потекло своим чередом.

Дуглас сидел с опущенной головой, невидящими глазами уставившись в чашку.

Когда Дуглас вернулся к себе, Афины дома не оказалось. Закрыв за собой дверь, он сразу понял, что можно и не трудиться ее звать. Она вечно забывала оставить свет, и дом застыл в холодной неподвижности, говорившей о том, что он уже много часов пустует.

Дуглас повесил куртку в гулкой прихожей и прошел на кухню; линолеум неприятно холодил ноги. В первый год их семейной жизни Дуглас нередко обнаруживал, что его ужин состоял из овсяных хлопьев для завтрака или хлеба с сыром. У Афины не было склонности к домашнему хозяйству, и после нескольких неудачных попыток заниматься домом она напрочь потеряла к этому делу даже притворный интерес. И вот недавно, не сказав матери, он нанял Бесси, местную старожилку, следить за запасами продуктов на кухне и время от времени класть в холодильник пирог или запеканку. Дуглас знал, что Бесси считает Афину ужасной. В беспомощной попытке защитить репутацию жены как хорошей хозяйки он говорил, что у нее от муки крапивница.

На полке его ждал пирог с сыром. Дуглас сунул его в духовку, закрыл дверцу и обшарил глазами кухонный стол в поисках записки с объяснением. Обычно ее записки были не слишком информативны: «Милый Дуглас, скоро вернусь. А.» Или: «Выскочила глотнуть свежего воздуха». Или: «Отправилась прокатиться». А со временем Афина и вовсе перестала их оставлять. Правда, сегодня его это не слишком огорчило. Он явно был не в том настроении, чтобы с кем-либо разговаривать, даже с собственной женой.

Он достал из буфета тарелку, бросив мимолетный взгляд на фото Афины, сделанное им во Флоренции. Первый год был сказочным. Они три месяца путешествовали по Италии на красном родстере «MGB» Дугласа, останавливаясь в маленьких пансионах и нередко шокируя своих хозяек непривычными проявлениями любви. Афина дала ему возможность почувствовать себя королем: восторженно визжала, когда он вел машину по горному серпантину, нежно прижималась к нему в уличных кафе, сладострастно обвивалась вокруг него в темноте. Но по возвращении в Англию, несмотря на прекрасный дом со свежим ремонтом, собственную лошадь, подаренную мужем машину и оплаченные им уроки вождения — как водитель она оказалась совершенно безнадёжной: он уже давным-давно перестал возмущаться по поводу очередной вмятины на бампере, — она мало-помалу становилась чуть менее любящей, и ему все труднее было ее ублажить. И ее совершенно не интересовали его планы по распределению общественных благ. А ведь он так надеялся вдохновить ее своими замыслами. Как ни крути, именно она в свое время натолкнула его на эту идею.

«Давай все это отдадим, — предложила она одним чудесным летним днем, когда они устроили пикник на берегу форелевого ручья. — Выберем в деревне самых достойных и подарим им земельные наделы. Словом, сделаем так, как в Америке поступили с рабами».

Она шутила, конечно. Совсем как тогда, когда объявила, что мечтает стать джазовой певицей, и он, желая сделать сюрприз, оплатил ей занятия пением.

По правде говоря, в последнее время Афина стала страшно капризной, хотя он изо всех сил старался не обращать на это внимания. Он никогда не знал, чего от нее ждать. Она то кокетничала с ним, льнула к нему, пыталась очаровать нелепыми планами, то становилась холодна как лед, словно он нарушил какое-то неписаное правило. Но если он отваживался спросить ее, в чем дело, она взрывалась и просила оставить ее в покое. И тогда он не осмеливался прикасаться к ней даже в постели. У него до сих пор был жив в памяти тот случай, имевший место две недели назад, когда она буквально скинула его с себя, обозвав грязным животным.

Он бросил взгляд на фотографию улыбающейся, радостной жены. Снимок сделан за полмесяца до второй годовщины их свадьбы. Возможно, им стоит сменить обстановку и на недельку-другую вернуться в Италию. Чтобы пережить горечь разочарования, ему необходимо уехать подальше от поместья. Каникулы, возможно, пойдут ей на пользу, избавив от раздражительности и эмоциональной неустойчивости.

Она вернулась незадолго до восьми и удивленно подняла брови, увидев перед ним пустую обеденную тарелку. На Афине было бледно-голубое платье и новое белое пальто с высоким воротником.

— Вот уж не думала, что ты так рано вернешься домой.

— Решил, что тебе, возможно, захочется компании.

— Ой, дорогой, ради бога, извини! Если бы ты предупредил меня заранее, я постаралась бы остаться дома. А я вот на целый день уехала в Ипсуич. Ходила в кино. — Афина явно была в отличном настроении.

Она запечатлела у него на лбу поцелуй, оставив в воздухе тонкий аромат духов.

— Мама говорила, что заходила к тебе сегодня.

Афина снимала пальто, стоя спиной к нему.

— Полагаю, она по-прежнему хочет, чтобы я вручала призы на сельском празднике. Но я заявила ей, что это не мое амплуа.

Дуглас встал с места, подошел к бару и налил себе на два пальца виски.

— Афина, может, все-таки постарайся? Мама не так уж плоха. Постарайся, хотя бы ради меня.

— Ой, только не начинай! Дуглас, ты же знаешь, я не умею поддерживать семейные связи.

Бессмысленный разговор, который в последнее время что-то уж слишком часто повторялся.

— Я посмотрела совершенно сказочный фильм. Французский. Ты непременно должен на него сходить. Я была под таким впечатлением, что мне даже не хотелось возвращаться назад.

Дуглас наблюдал за порхающей по кухне Афиной. Она стала центром притяжения этого дома, который явно был ей чужим. И быть может, она навечно останется для него, Дугласа, неким неземным созданием, свободным от обязательств и разрывающим семейные оковы. Ему вдруг захотелось рассказать ей о стычке с отцом. Поведать о своем унижении, о

неадекватной реакции отца, чье мнение так много значило для Дугласа. Положить ей голову на плечо и успокоиться. Однако, к сожалению, горький опыт подсказывал ему, что возникшее напряжение между ним и родителями лишь обрадует Афины, которая приложит максимум усилий, чтобы усугубить конфликт. Ее безумно раздражала привязанность мужа к семье, а потому она неустанно вела подрывную деятельность, пытаясь ослабить их кровные узы.

Дуглас залпом выпил виски:

— Полагаю, мы могли бы уехать.

Она резко повернулась, лицо ее было непроницаемым.

— Что?

— В Италию.

У него возникло такое чувство, будто он предложил ей утолить скрытый голод. Она подошла к Дугласу и заглянула ему в глаза:

— Обратно во Флоренцию?

— Если захочешь.

Резко выдохнув, она с детской непосредственностью обвила руками его шею:

— О да! Давай вернемся в Италию! О Дуглас, какая чудесная идея!

Дуглас поставил стакан и погладил ее по голове. Надо же, как все, оказывается, легко решается! От близости ее гибкого тела на него нахлынула волна непреодолимого желания. Афина обратила к нему сияющее лицо, и он жадно поцеловал ее.

— А когда мы уедем? Скоро? Нам ведь ничего не стоит вот так взять и собраться. — Она говорила торопливо, захлебываясь словами.

— Думаю, мы могли бы поехать на годовщину свадьбы.

Глаза Афины были устремлены куда-то вдаль. Похоже, мысленно она уже перенеслась за море, в солнечную Италию. Даже ее лицо словно изменило форму, став более мягким и расплывчатым. Дугласу показалось, что он смотрит на нее сквозь запотевшие очки.

— Мы даже можем остановиться на Виа Кондолиса.

— Но где мы будем жить?

— Жить?

— Да, жить в Италии.

Дуглас опустил подбородок и нахмурился:

— Афина, мы вовсе не собираемся там жить. Я полагал, что мы просто отправимся в путешествие. Отметим годовщину свадьбы.

— Но я думала... — Ее лицо замкнулось. Она догадалась, что муж явно увиливает от ответа. — Значит, ты не хочешь туда переезжать?

— Ты прекрасно понимаешь, что я не могу туда переехать.

В ее голосе прозвучало неприкрытое отчаяние.

— Но, дорогой, давай уедем отсюда! Подальше от твоей семьи. И моей тоже. Я ненавижу родственников. Они только губят нас своими непомерными ожиданиями. Давай уедем. Пусть не в Италию. В Италии мы уже были. Уедем в Марокко. Там, должно быть, сказочно красиво. — Она обняла мужа за талию, впившись в него горящими глазами.

Дугласа вдруг охватила смертельная усталость.

— Ты же знаешь, я не могу уехать в Марокко.

— Не понимаю почему. — Ее улыбка стала похожа на гримасу.

— Афина, у меня имеются определенные обязательства.

Она отстранилась от мужа. Затем резко попятилась, наградив его тяжелым взглядом:

— Господи, ты говоришь прямо как твой отец! Нет, хуже. Ты говоришь прямо как мой отец.

— Афина, я...

— Мне надо срочно выпить. — Повернувшись к нему спиной, она щедро плеснула себе виски.

Дуглас заметил, что недавно открытая бутылка заметно опустела. Афина осталась стоять, повернувшись к нему спиной. В любой другой день он непременно подошел бы к ней, положил бы ей руку на плечо, прошептал бы слова любви. Но сегодня у него на это не осталось сил. Он слишком устал, чтобы играть в подобные игры со своей невозможной, взбалмошной женой.

В конце концов Афина не выдержала и повернулась к мужу, бросив на него умоляющий взгляд:

— Дуглас... Любимый... Я ведь никогда тебя ни о чем не просила. Разве нет? Ну скажи!

Спорить с ней не имело смысла. Дуглас смотрел на ее бледное замкнутое лицо, на которое легла тень глубокой печали. Ему было больно думать, что, возможно, тут есть некая доля и его вины тоже, поскольку он не смог стать ей хорошим мужем.

— Прошу тебя, давай уедем! Уедем отсюда. Дуглас, скажи «да». Пожалуйста!

На мгновение у него возникло безумное желание побросать вещи в чемодан, посадить рядом сияющую от счастья жену и с ревом умчаться вдаль на его «MGB» навстречу прекрасному будущему в каком-нибудь экзотическом раю.

Афина не мигая смотрела на него.

— Мне надо принять ванну, — сказал Дуглас.

И устало поплелся вверх.

Глава 5

День, когда я разбила чье-то сердце

Ой, ну конечно, я отлично понимаю, что не похожа на роковую женщину. И вы, наверное, думаете, что я не могла пробудить в мужчине страсть. Но я могла, хотя было это давным-давно, пока возраст и седина не лишили меня даже тех скромных внешних достоинств, которыми я когда-то обладала. Его звали Том, очень милый и славный парень. Не писанный красавец, конечно, но вполне ничего. Надежный как скала. Из хорошей семьи. И он меня обожал.

Он не любил много болтать. Впрочем, как и большинство мужчин в мое время. По крайней мере, те, кого я знала. Но я была уверена, что он меня обожает. Ведь каждый вечер он поджидал меня на углу, чтобы проводить после работы домой, а еще дарил чудные ленты и кружево, которые специально для меня отбирал из кипы остатков на фабрике его отца. Видите ли, его семья занималась производством галантереи. И Том учился у отца управлять семейным бизнесом. Вот там-то мы и познакомились. Не слишком мужественная работа, возможно, подумаете вы, и да, среди работников иногда попадались гомики, как называл их мистер Холстейн, но если бы вы видели Тома... Ну, в нем не было ничего женоподобного. Крупный парень, широченные плечи. Он приносил мне рулоны тканей, взвалив на плечо словно пушинку сразу по три или четыре.

Он обычно появлялся с подносами пуговиц и кусочков отделки, прелестным викторианским кружевом, спасенным им из начавших отсыревать коробок. А затем, ни слова не говоря, выкладывал все это добро передо мной, совсем как собака, которая приносит хозяину свою любимую косточку. В то время я, видите ли, шила себе одежду сама, и он непременно узнавал подаренные им пуговицы или бархатную отделку. И похоже, даже немного этим гордился.

Он меня никогда не подталкивал. Не делал громких заявлений и не анонсировал свои намерения. Видите ли, я объявила ему, что никогда не выйду замуж. Я ни секунды в этом не сомневалась, а потому решила, что будет честнее сразу предупредить его. Но он просто кивнул, словно давая понять, что это мое законное право, и остался моим воздыхателем. И мало-помалу я перестала волноваться, что вожу его за нос, да и вообще поступаю нечестно, и начала получать удовольствие от его общества.

Одиноким девушкам приходилось тогда очень нелегко, в эти самые шестидесятые. Ой, я знаю, вы считаете, что тогда были и Мэри Квант, и свободная любовь, и ночные клубы, и все такое прочее, но мало кто из нас действительно вел подобную жизнь. Для порядочных девушек вроде меня, которые не сумели, так сказать, взять быстрый старт, время было сложное. Некоторые девушки это делали, некоторые — не делали. Но я так и не смогла определиться, к какой именно категории себя отнести. Хотя я чуть было этого не сделала, с Томом. Несколько раз. Он понимал толк в подобных вещах, умел все предусмотреть, даже невзирая на то, что я сообщила ему о своем твердом решении остаться старой девой. И еще в мое время все девушки жаждали быть в струе, носить платья последних фасонов, причем не важно, куплены они в «Бибе» или на Кингс-роуд или сшиты, подобно моим, по выкройкам из «Вог» или «Баттерик». Однако новая мода приводила наших родителей в ужас, в связи с чем многие из нас испытывали самый настоящий когнитивный диссонанс: с одной стороны, нам безумно хотелось носить мини-юбки и все такое, но с другой — мы чувствовали себя

страшно неловко.

Возможно, я оказалась недостаточно раскрепощенной. В мое время скромницы еще встречались. Но Том, похоже, все понимал, и я нравилась ему такой, какая есть, или, по крайней мере, какой старалась быть, и мы с ним чудесно проводили время.

Поэтому мне было страшно неудобно, что я заставила Тома страдать при первом же знакомстве с моими родителями.

Я пригласила их приехать в Лондон на шоу. Мама страшно обрадовалась, папа тоже был весьма мил, хотя и немногословен, правда он не преминул сказать, что я уже практически год не появлялась дома. Я заказала билеты на «Хелло, Долли!» в Королевском театре Ковент-Гарден и столик в одном из новых ресторанов «Голден эгг». Ужин я собиралась оплатить из собственного кармана, так как мистер Холстейн на днях прибавил мне жалованье и перевел из секретарей в офис-менеджеры, что меня крайне воодушевило. Я размышляла над этим целую вечность, но в конце концов решила пригласить и Тома тоже, потому что он такой душка, да и вообще, для него знакомство с моими родителями наверняка станет настоящим событием; более того, я не сомневалась, что он им понравится. Да он и не мог не понравиться. Шоу оказалось великолепным. Мэри Мартин в роли Долли Леви была великолепна — я никогда не забуду ее эффектного выхода, хотя в глубине души мы надеялись, что увидим на сцене Ив Арден. А мама была настолько счастлива меня видеть, что незаметно сжимала мою руку, бросая многозначительные взгляды на Тома. Для нее было большим облегчением после стольких лет увидеть рядом со мной мужчину, тем более такого галантного. Ведь Том оказался достаточно любезен, чтобы преподнести ей коробку конфет. Итак, вечер проходил в очень милой обстановке, но только до тех пор, пока мы не приступили к ужину. Ох нет, с «Голден эгг» все было в порядке (мама сказала, озираясь по сторонам, что здесь действительно на редкость... живописно): еда выше всяких похвал, я даже разорилась на бутылку вина, хотя папа и заявил, что не позволит мне сорить деньгами, чтобы развлечь своих стариков. Том сидел, как обычно, тихо светясь от радости; он увлеченно беседовал с мамой о лентах и о довоенной жизни, а еще о том, как его отец однажды познакомился с женой премьер-министра, когда та заказывала бельгийские кружева.

А потом мама произнесла сакраментальную фразу:

— Дорогая, я давно собиралась тебе сказать. В семье Фэрли-Халм не все ладно.

На секунду я уставилась на лежавшую на тарелке рыбу, затем подняла голову, постаравшись выглядеть по возможности безразлично:

— Неужели?

— Она дала деру! — фыркнул папа.

— Кто дал деру?

— Боже мой, Генри! Это устаревшее выражение. Афина Форстер. Извиняюсь, Фэрли-Халм. И не просто сбежала, а с каким-то коммивояжером откуда-то с севера. Обе семьи отчаянно стараются скрыть всю эту историю от газетчиков.

Похоже, мама вполне искренне считала, что ее слова не произведут на меня впечатления.

— Ну, я не читаю газет. — Рыба у меня во рту сразу превратилась в порошкообразную массу.

Я с трудом заставила себя проглотить ее, запив стаканом воды. Том, бедняга, как ни в чем не бывало продолжал есть. Он явно ничего не заметил.

— А как... как там Дуглас?

— Надеется, что она вернется. Бедный мальчик. Он полностью раздавлен.

— И слепому было видно, что от этой вертихвостки только и жди беды. Она еще та штучка.

— Ну да. Но всем казалось, что она немного остепенилась.

— Девицы вроде нее на это не способны.

Их голоса внезапно стихли, и я подумала, не упала ли я, часом, в обморок. Затем я посмотрела на Тома и впервые заметила, не без отвращения, что он ест с открытым ртом.

— Ее родители, естественно, рвут и мечут. Практически лишили ее наследства. И теперь говорят, что она на время отправилась за границу, пока все не уляжется. Я хочу сказать, что ей тогда еще крупно повезло выйти замуж за Дугласа. Ведь у нее даже и друзей-то толком не было, разве нет? Уж не говоря о репутации! — Мама задумчиво покачала головой, стряхнув несуществующие крошки со скатерти. — Родители Дугласа ужасно переживают. Да и вообще, это просто ужасно на всех отразилось. Малый продавал пылесосы, ходил от двери к двери. Нет, ты представляешь? Пылесосы! А через несколько недель после побега у этой девицы хватило наглости позвонить им и попросить денег. Бедняжка Жюстина! Две недели назад я встретила ее у Тревельянов, на вечере игры в бридж. Она стала совсем седой.

Именно тогда мама, должно быть, заметила выражение моего лица. Окинув меня сперва озабоченным, а затем и суровым взглядом, она посмотрела на Тома:

— Ну хватит. Вам, наверное, не слишком интересно слушать наши разговоры о незнакомых людях, не так ли, Том?

— Не обращайтесь на меня внимания, — ответил Том; он по-прежнему ел с открытым ртом.

— Да. Хорошо. Давайте решим насчет пудинга. Кто хочет пудинга? Никто? — Ее голос поднялся чуть ли не на октаву. Она наградила меня очередным испепеляющим взглядом, из числа тех, которые матери специально приберегают для дочерей.

Не уверена, что я слышала, о чем она говорила дальше.

Я не поехала с ними домой. По крайней мере, не тогда. Но с моей стороны было бы непорядочно продолжать встречаться с Томом. Только не в сложившихся обстоятельствах.

Ну как, этого достаточно или вы хотите узнать о ребенке?

Они постоянно ссорились по дороге на вечеринки. Сюзанна и сама не знала почему, хотя всегда могла приписать это неудачному стечению обстоятельств: они жутко опаздывали, он в самую последнюю минуту шел проверять, закрыта ли задняя дверь, она вечно не могла найти ничего приличного, чтобы надеть на себя. Возможно, они просто устали напрягаться, изображая идеальную пару. А возможно, как ей иногда начинало казаться, это был ее способ раннего предупреждения, что по возвращении домой никакого секса между ними не будет. Хотя сегодня вечером они не поссорились. Правда, невелика победа — просто они прибыли к Бруксам поодиночке. Сюзанна приехала в деревню на машине, руководствуясь детальными указаниями хозяйки дома, а Нил, задержавшийся на работе, добирался сперва поездом, а затем на такси. Приветствуя его за обеденным столом, Сюзанна почувствовала, как улыбка буквально застыла на ее окаменевшем лице, в результате чего ей пришлось процедить сквозь стиснутые зубы шутливое «Мы уж думали, что ты не придешь».

— А вы знакомы с представителем сильной половины Пикоков? Нил, не так ли? — Хозяйка деликатно провела его на место.

Жемчуг, дорогая, но вышедшая из моды шелковая блузка, шерстяная трикотажная юбка; одежда хозяйки лучше любых слов говорила о том, какой вечер ожидает гостей. Сюзанна поняла, что ее городской стиль вряд ли вызовет особые восторги и отношение к ней будет скорее покровительственное. Тем более что пригласили их исключительно из-за ее родителей.

— Задержали на совещании, — извиняющимся тоном сказал Нил, а уже позже, когда она принялась отчитывать его в коридоре, прошептал: — Зачем делать из всего проблему? Остальным, похоже, вообще было наплевать.

— А вот мне не наплевать, — отрезала Сюзанна, поспешно приклеив на лицо улыбку, поскольку из гостиной вышла хозяйка и, тактично стараясь на них не глядеть, поинтересовалась, не желает ли кто-нибудь еще выпить.

Вечер тянулся бесконечно долго. Нил неуклюже маскировал неловкость не слишком уместными шутливыми замечаниями. Остальные гости, очевидно, давно знали друг друга и непринужденно беседовали, обсуждая незнакомых ей людей, деревенских «оригиналов», постоянно вспоминая какие-то события прошлых лет: отмененный из-за дождя сельский праздник двухгодичной давности, теннисный турнир, во время которого финалисты разругались в пух и прах, постыдное поведение учительницы из начальной школы, сбежавшей в Уорчестер вместе с мужем бедняжки Патрисии Энсли. Поговаривали, что учительница родила ребенка. А еще кто-то слышал, будто Патрисия Энсли стала мормонкой. В комнате было слишком натоплено, и к тому времени, как стали подавать основное блюдо, Сюзанна, сидевшая спиной к огромному камину, почувствовала, что у нее горит лицо, а по спине текут струйки пота, к счастью незаметные под ультрамодной блузкой.

Они знали, она была уверена. Несмотря на ее улыбки, заверения, что она счастлива вернуться в Дир-Хэмптон, что приятно иметь больше свободного времени, что это замечательно — переехать поближе к родственникам, они наверняка догадывались, что она лжет. И наверняка обратили внимание на несчастный вид ее мужа, отважно пытающегося поддержать беседу с сидевшими напротив самоуверенным ветеринаром и немногословной

женой местного егеря. Да и вообще, Сюзанне казалось, будто у них с Нилом над головами ярко светится неоновая вывеска, на которой крупными буквами написано: «Мы Несчастливы! И Это Моя Вина».

За последний год она стала экспертом по несчастливым бракам, с ходу определяя это по вымученным улыбкам жен, отрывистым замечаниям, отстраненным лицам мужей. Иногда ей становилось легче, когда она встречала пары, еще более несчастливые, чем они, а иногда — тяжелее, словно это в очередной раз доказывало, что кипящие на медленном огне обида и разочарование — непереносимые атрибуты супружеской жизни.

Но ужаснее всего было видеть тех, кто был по-прежнему влюблен друг в друга. Нет, она имела в виду отнюдь не молодоженов — Сюзанна по своему опыту знала, что мишурный блеск со временем стирается, — а тех, кого совместная жизнь лишь сплотила, придав их чувствам еще больше глубины. Она узнавала их с первого взгляда: по слову «мы» в разговоре, по невольным ласковым прикосновениям, по мягким довольным улыбкам, с которыми они слушали любимого человека. Даже их перепалки сопровождалась веселым смехом, как будто они до сих пор флиртовали друг с другом, и нежными пожатиями, намекающими на нечто большее. И Сюзанна ловила себя на том, что неприлично пялится на них, гадая про себя, чего же не хватает им с Нилом и как найти средство, способное склеить их брак.

— По-моему, все прошло очень даже неплохо, — храбро заметил Нил, включив двигатель.

Они ушли вторыми, что было вполне приемлемо. Он предложил сесть за руль, чтобы она могла выпить, — примирительный жест, она отлично понимала, но почему-то не находила в себе достаточно благородства принять его.

— Ну, они нормальные.

— Так это и хорошо... Я имею в виду, познакомиться поближе с соседями. И никто не стал резать свинью. Или кидать ключи от машины на середину комнаты. Меня предупреждали об этих деревенских праздничных обедах. — Он специально напускал на себя беззаботный вид, она знала.

Сюзанна попыталась подавить привычное раздражение:

— Их вряд ли можно назвать нашими соседями. Они живут в двадцати минутах езды.

— От нашего дома до любого места двадцать минут езды. — Он сделал паузу. — Приятно видеть, что ты потихоньку обзаводишься здесь друзьями.

— Звучит так, будто я первый день в новой школе.

Он пристально посмотрел на нее, явно прикидывая, насколько решительно она настроена на ссору.

— Я только хотел сказать, что очень рад... твоему желанию пустить корни.

— Нил, у меня есть корни. Насколько тебе известно, эти проклятые корни были у меня всегда. Просто в мои планы не входило пускать их здесь.

Он вздохнул, устало потер затылок:

— Сюзанна, только не начинай. По крайней мере, не сегодня. Ну пожалуйста!

Она была просто невыносима, Сюзанна это прекрасно понимала, отчего бесилась еще больше, будто обвиняя мужа в своем безобразном поведении. Она посмотрела на мелькавшие за окном машины темные живые изгороди. Изгородь, изгородь, дерево, изгородь. Бесконечная штрихпунктирная линия сельской местности. Консультант по задолженности посоветовал им обратиться к специалисту по семейным отношениям. Нил с энтузиазмом откликнулся на предложение. Можно подумать, что он бы пошел!

«Нет, нам это не нужно, — самонадеянно заявила она. — Мы вместе уже десять лет». Как будто это делало их брак более крепким.

— Очень славные детишки, да? — (Господи, до чего же он предсказуемый!) — А та девчушка, которая разносила чипсы, просто прелесть! Она рассказала мне об их школьной постановке. Бедняжке пообещали роль колокольчика, а дали роль овцы. Я ответил, что ей просто пудрили мозги...

— Ну вот, снова-здорово. А мне показалось, что ты сегодня не собирался заводить эту шарманку.

В разговоре возникла тягостная пауза. Нил еще крепче сжал руль.

— Я только сказал, что детишки очень славные. — Он покосился на жену. — Совершенно невинное замечание. Я просто хотел поддержать разговор.

— Нет, Нил. Когда дело касается детей, у тебя не бывает невинных замечаний.

— Ты ко мне несправедлива.

— Я тебя знаю как облупленного.

— Пусть так. Сюзанна, разве это такой уж большой грех? Мы ведь с тобой не вчера познакомились.

— Ну и что с того? И кто, интересно, установил временные рамки для рождения детей? Покажи мне такую должностную инструкцию, где написано: «Вы женаты энное количество лет, так что плодитесь и размножайтесь».

— Ты не хуже меня знаешь, что после тридцати пяти родить гораздо сложнее.

— Ой, я тебя умоляю! Мне еще нет тридцати пяти.

— Тридцать четыре. Тебе тридцать четыре.

— Я знаю, блин, сколько мне лет!

Количество выброшенного в кровь адреналина явно зашкаливало. Они с удовольствием дали волю эмоциям, перестав изображать счастливых супругов.

— Это потому, что ты боишься, да?

— Нет! И только не вздумай приплетать сюда мою мать!

— Если ты не хочешь детей, почему бы так прямо и не сказать? По крайней мере, тогда мы будем знать, на каком мы свете... Я буду знать, на каком я свете.

— Я не говорю, что не хочу детей.

— Тогда я отказываюсь понимать, что именно ты хочешь сказать. Стоит мне поднять данную тему, как ты набрасываешься на меня, словно я предлагаю нечто ужасное. А это всего лишь младенец.

— Тебе легко говорить. Но рожать-то его мне. И я вижу, как дети меняют жизнь людей.

— В хорошую сторону.

— Если ты мужчина. — Она сделала глубокий вдох. — Послушай, я еще не готова. Понятно? Хотя ни от чего и не зарекаюсь. Нил, я пока не разобралась со своей жизнью. Пойми, не могу я вот так с ходу обзавестись ребятишками, толком ничего не достигнув. Я ведь не какая-нибудь там домашняя клуша. — Она скрестила ноги. — И вообще, если честно, меня такая перспектива просто угнетает.

Нил покачал головой:

— Ладно, Сюзанна, я сдаюсь. Не знаю, что еще можно сделать, чтобы ты была счастлива. Прости, что пришлось переехать в деревню. О'кей? Прости, что нам пришлось покинуть Лондон, что тебя не устраивает наш здешний дом, что тебе скучно и что тебе не нравятся местные жители. Прости за сегодняшний вечер. Прости, что я стал для тебя таким

чертовским разочарованием. Но я не знаю, что еще можно сказать. Что бы я ни говорил, тебя, черт возьми, ничего не устраивает!

В машине наступила напряженная тишина. Обычно он так легко не сдавался, и теперь Сюзанна чувствовала себя не в своей тарелке.

Нил включил фары на полную мощность и, распугивая кроликов, свернул с главной дороги на неосвещенный проселок.

— Позволь мне открыть магазин. — Она уставилась прямо перед собой, чтобы не видеть его реакции.

И слышала тяжелый вздох.

— У нас нет денег. И ты это прекрасно знаешь.

— Уверена, мы могли бы преуспеть, — сказала она, добавив с надеждой в голосе: — Я вот тут подумала... Мы могли бы продать мою картину, чтобы внести залог.

— Сью, мы только что разделались с долгами. И не можем позволить себе вновь попасть в долговую яму.

Тогда она повернулась к нему лицом:

— Нил, я понимаю, что ты, естественно, не одобряешь мою идею, но мне это нужно. Мне нужно хоть что-то, чем можно было бы заняться. Собственное дело. Что-то, не связанное с чертовыми утренними кофепитиями, и с деревенскими сплетнями, и с моей чертовой семьей. — (Нил молчал.) — Это мне и вправду поможет. — Ее голос сделался умоляющим, примирительным. Она сама от себя не ожидала такой страсти. — Наверняка поможет.

Было в тоне Сюзанны нечто такое, что Нил остановил машину и внимательно посмотрел на жену. За окном стоял густой туман, и фары слепо освещали лишь мельчайшие капельки влаги, взвешенные в воздухе.

— Дай мне год. Только один год, — взяв его за руку, проговорила она. — И если ничего не получится, я рожу тебе ребенка.

— Ну а если получится? — озадаченно спросил Нил.

— Я все равно рожу ребенка. Но тогда у меня будет, по крайней мере, что-то еще. И я не превращусь в одну из этих.

Сюзанна махнула рукой, словно желая указать на присутствовавших на ужине дам, которые обменивались отвратительными историями о родах и грудном вскармливании или рассказывали с плохо скрытым презрением о том, какие невоспитанные дети бывают у некоторых.

— Ага. Настоящий неонатальный нацизм.

— Нил...

— Ты что, это серьезно?

— Да. Ну пожалуйста! Мне просто кажется, что тогда я стану немного счастливее. Ты ведь хочешь, чтобы я стала счастливее, да?

— Ты отлично знаешь, что да. Это всегда было моим единственным желанием.

Когда он так смотрел на нее, у Сюзанны в душе пробуждались мимолетные воспоминания о том, что она некогда действительно чувствовала к нему, и отдаленные реминисценции на тему того, каково это — быть связанным с человеком, который вызывает у тебя не раздражение и глухую злобу, а исключительно предвкушение счастья и неутоленный сексуальный голод. Он был по-прежнему хорош собой, более того, он явно принадлежал к тому типу мужчин, которые, как правило, красиво стареют. Никакого брюшка

или редящих волос. Нет, он наверняка останется стройным и подтянутым, а свидетельством прожитых лет будет лишь благородная седина, особенно эффектная на фоне задубевшей кожи лица.

И в такие минуты ей даже удавалось вспомнить то время, когда они еще были близки.

— По-моему, тебе не стоит продавать картину. Это слишком личное. Да и вообще, ее стоит попридержать как ценную инвестицию.

— А я не могу допустить, чтобы ты работал еще больше. — Хотя, если честно, ее скорее пугало не постоянное отсутствие мужа, а то, что она отлично к этому приспособилась.

— Я совсем другое имел в виду. — Он склонил голову набок, обратив на нее внимательный мягкий взгляд голубых глаз. — Ты всегда можешь попросить денег у отца. На залог. Ведь он, кажется, говорил, что отложил для тебя некоторую сумму.

Нил нарушил чары. Сюзанна убрала руку с плеча мужа и беспокойно заерзала на сиденье, стараясь отодвинуться подальше.

— Я не собираюсь снова проходить через все эти унижения. Нам и так пришлось взять у него приличную сумму. Мне больше не нужны его деньги.

Поначалу они вообще не считали это долгом: просто жили, как все, немного не по средствам. Две зарплаты, отсутствие детей. Они вели стиль жизни, рекламируемый роскошными магазинами, стиль жизни, на который, по их мнению, имели право. Они покупали интерьерные диваны из светлой замши, проводили уик-энды с друзьями из своего круга в шумных ресторанах Вест-Энда и уютных отелях, считали святой обязанностью побаловать себя после любого, даже малейшего разочарования: плохого дня на работе, неудачной попытки купить билеты на концерт, дождливой погоды, наконец. Сюзанна, успевшая привыкнуть к высоким доходам Нила, которому в глубине души всегда хотелось, впрочем так же как и ей, чтобы она больше времени проводила дома, успела сменить несколько мест работы на неполный рабочий день: она подвизалась в магазине женской одежды, развозила товар для подруги, открывшей цветочный магазин, продавала деревянные игрушки. Но, честно говоря, ничего из перечисленного выше не увлекло Сюзанну настолько, чтобы у нее возникло желание остаться, лишив себя утренних посиделок с подругами за кофе в уличном кафе, блужданий по Интернету, жрущему кучу времени, или кулинарных экспериментов в области приготовления сложных блюд. А затем буквально за считанные секунды все изменилось. Нил потерял работу в банке, его место заняла особа, которую он называл Мужиком в Юбке и Садисткой из Ада. Правда, когда иссяк денежный поток, ему почему-то сразу расхотелось шутить.

А Сюзанна подсела на шопинг.

Причем поначалу она занималась этим, просто чтобы выбраться из дому, поскольку Нил впал в депрессию и озлобился. Теперь он практически во всем находил следы женского заговора: в том, что в местной школе, согласно статистике, успеваемость у девочек гораздо выше, чем у мальчиков; в газетных статьях о случаях сексуальных домогательств, которые он зачитывал вслух; более того, менеджер из отдела кадров, позвонивший сообщить, что Нилу полагается в качестве выходного пособия не шесть месячных зарплат, а только три, тоже оказался женщиной. Приступы беспричинного гнева сменялись самобичеванием; он стал отвратительной пародией на самого себя, с ним невозможно было иметь дело. И в результате Сюзанна, предоставив мужа самому себе, принялась поднимать настроение, покупая дорогое мыло, готовые обеды, время от времени цветы — лилии для аромата, амариллис и

стерлитцию для большей утонченности интерьера. Она считала, что вполне заслужила это, а мерзкий характер Нила позволял ей укрепиться в собственной правоте.

Сюзанна убедила себя, что им просто жизненно необходимы некоторые вещи: новое постельное белье — дорогуший египетский хлопок — отличная инвестиция, — ну а еще занавески в тон, антикварные стаканы. Она осуществила проект по перedelке квартиры, заменила полы в кухне, полностью изменила отделку гостевой комнаты. В конце концов, это безусловно увеличит стоимость квартиры. Как-никак все вложения в недвижимость возвращаются сторицей.

Ну а затем, сделав небольшую передышку, она занялась преобразованием своей внешности. Ведь она вряд ли сможет найти работу, не обновив гардероба; волосы следовало постричь и слегка осветлить; стресс из-за работы Ника ужасающе повлиял на кожу, и теперь она отчаянно нуждалась в услугах опытного косметолога. Ее подруги подшучивали над ее расточительностью, поэтому она стала покупать кое-что и для них тоже. Ей было приятно демонстрировать щедрость: она объясняла себе, что это одна из тех немногих радостей жизни, которые у нее еще остались.

Поначалу Сюзанне становилось легче, поскольку шопинг давал ей определенную цель. Заполнял пустоту. Но, даже соря деньгами направо и налево, она понимала, что заразилась некой болезнью сродни сумасшествию, что ярко освещенные интерьеры и забитые кашемировыми джемперами полки, услужливые продавцы и красиво упакованные коробки с каждым днем все меньше помогали отвлечься от жестокой реальности. Покупки приносили все меньше радости. Первоначальный угар от шопинга прошел, и теперь она сидела дома в окружении хрустящих бумажных пакетов, растерянно глядя на свои приобретения или громко рыдая, если ей хватало мужества подсчитать расходы. Она стала ранней пташкой и всегда первой встречала почтальона.

К чему лишний раз расстраивать Нила?

Ему потребовалось почти шесть месяцев, чтобы сделать неприятное открытие. Справедливости ради стоит признать — впрочем, они и не пытались ничего отрицать, — их брак тогда переживал не лучшие времена, особенно когда Нил, борясь с собственной депрессией, усомнился в душевном здоровье жены и заявил, будто именно из-за нее и стал импотентом, а потеря работы здесь вообще ни при чем. А она, позволив в конце концов дать волю гневу, который так долго лелеяла, — возможно, ее агрессивность была вызвана угрызениями совести, — выложила в ответ все, что о нем думает, и это было не только жестоко, но и неразумно и несправедливо. Почему его проблемы так катастрофически повлияли на ее жизнь? Разве она не выполнила хоть какой-то пункт соглашения? Все сделанные изменения пошли на благо семьи. Однако Сюзанне все же удалось удержать себя в рамках приличия, чем она очень гордилась, и не произнести слово «неудачник», которое так и вертелось на языке, когда она смотрела на мужа.

А когда ее отец, на которого она безумно злилась из-за завещания, упомянул о доме, Нил убедил жену, что у них нет выбора. Если, конечно, они не собираются объявить себя банкротами. Это ужасное словосочетание до сих пор имело способность привести Сюзанну в чувство.

И вот, почти девять месяцев назад, Сюзанна с Нилом продали свою лондонскую квартиру. Причем выгодно. Они закрыли все долги по кредитным и платежным картам Сюзанны, а также выплатили мелкие задолженности Нила, образовавшиеся у него до того, как он нашел себе работу, и купили маленькую неказистую машину, которую продавец

несколько извиняющимся тоном описывал как автомобиль для определенной социальной прослойки. И вот, соблазнившись перспективой получить в свое распоряжение практически без арендной платы реставрированный сельский дом с тремя спальнями и отделанным кремнием фасадом, они переехали в Дир-Хэмптон, где выросла Сюзанна и где она не появлялась без малого пятнадцать лет.

Дома их встретил ледяной холод: Сюзанна в очередной раз забыла включить таймер отопления. Она все еще не могла привыкнуть к тому, насколько в деревне холоднее, чем в городе.

— Прости, — пробормотала она, когда Нил, присвистнув, подул себе на руки.

Слава богу, на сей раз он обошелся без комментариев!

Нил по-прежнему относился с энтузиазмом к прелестям английской глубинки, упорно убеждая себя, что их переезд — это не скатывание вниз по социальной лестнице, а улучшение качества жизни, и предпочитая видеть исключительно конфетные коттеджи и акры сплошной зелени, но не то, с чем приходилось сталкиваться его жене: с людьми, которые знают или, по крайней мере, считают, будто знают о тебе все, с клаустрофобией от тесных рамок совместных воспоминаний, с властными женщинами, у которых слишком много денег и слишком мало времени.

Автоответчик упорно моргал, и Сюзанна с тайным чувством вины подавила в себе лучик надежды, что это одна из ее лондонских подруг. Теперь они звонили гораздо реже. Тот факт, что она больше не имела возможности выпить с ними утренний кофе или пропустить вечером по стаканчику в баре, ослабил и без того не слишком прочные, как она только сейчас поняла, дружеские узы. Однако это не мешало ей скучать по своим подругам, по их свободным от обязательств отношениям, которые формировались годами. Она устала от необходимости взвешивать каждую фразу; нередко ей было гораздо легче, как, например, сегодня вечером, вообще по возможности молчать.

«Здравствуйте, мои дорогие! Надеюсь, вы сейчас хорошо проводите время. Я просто хотела узнать, помните ли вы о ланче в честь дня рождения Люси шестнадцатого числа. Мы с папочкой будем счастливы видеть вас у себя, хотя пойдем, если этот день у вас уже занят. Сообщите мне о ваших планах».

Ни слова о том, будто мы что-то должны или обязаны. Этот жизнерадостный, слегка извиняющийся тон. И как всегда, тонкий намек: «Мы знаем о ваших проблемах, но держим за вас скрещенные пальцы». Сюзанна тяжело вздохнула. Они пропустили несколько празднований Рождества и множество других семейных сборищ, а значит, теперь, раз уж они живут так близко, им не отвертеться от встречи с семьей.

— Нам надо пойти. — Нил снял пальто и налил себе выпить.

— Да, надо.

— Твой папа в любом случае наверняка найдет предлог, чтобы сходить. Что-что, а избегать друг друга вы умеете.

— Знаю.

Ему нравилось быть частью ее семьи. Своей у него не было, разве что мать, которую он практически не навещал и по которой не слишком скучал, да и жила она довольно далеко. Именно поэтому Нил так сильно проникся к матери Сюзанны.

Нил поставил стакан и подошел к Сюзанне. Обнял ее и осторожно прижал к себе. Она почувствовала, что сдается, хотя ей так и не удалось избавиться от привычной скованности.

— Это очень важно для твоей мамы, — прошептал он.

— Да, знаю. — Она положила руки ему на талию, то ли удерживая, то ли отталкивая. —

И знаю, что это ребячество. Просто меня пугает мысль, что все будут говорить, какая Люси фантастическая, какая у нее сказочная работа, какая она красавица, одним словом, бла-бла-бла, а потом все станут изображать из себя суперсчастливую семью.

— Пойми, мне тоже не слишком легко все это выслушивать. Я сразу начинаю ощущать себя не самым звездным зятем.

— Прости. Возможно, нам вообще не стоит туда идти.

Сюзанна слыла в семье первой красавицей. Родители считали, что Сюзанна красивая, но непрактичная, ее младший брат Бен не по годам умен и обладает настоящей крестьянской смекалкой, а Люси — очень смышленная, поскольку уже в возрасте трех лет она декламировала большие отрывки поэм и на полном серьезе спрашивала, почему первая книга какого-то писателя хуже его последнего произведения. А затем незаметно произошла некая метаморфоза: из Бена, как и надеялись, получилась точная копия, ну разве что помоложе и пожизнерадостнее, их прямолинейного, мужественного, временами напыщенного отца, Люси, вопреки ожиданиям, не превратилась в синий чулок, а, наоборот, расцвела, стала пугающе амбициозной и теперь, в свои двадцать с хвостиком, возглавляла секцию Интернета какой-то иностранной медиакорпорации.

Сюзанна тем временем постепенно пришла к осознанию, что, когда тебе за тридцать, уже недостаточно быть первой красавицей и что ее стиль жизни, а также финансовая безграмотность не только не умиляют родственников, но и считаются в своем роде распушенностью. И эгоизмом. Она явно не думала о семье.

— Мы могли бы завтра сходить посмотреть помещение под магазин, — сказала Сюзанна. — Я нашла в городе подходящее место. Бывший книжный магазин, который сдается в аренду.

— Вижу, ты не теряла времени даром.

— А какой смысл откладывать в долгий ящик? Тем более что в моем распоряжении только год.

Нил неприкрыто наслаждался этой близостью, от которой успел отвыкнуть, возможностью снова обнять жену. Она предпочла бы вести этот разговор сидя, но ему не хотелось ее отпускать.

— Магазин на одной из тех узеньких мощеных улочек, что отходят от площади. А на фасаде георгианские окна. Совсем как в диккенсовской «Лавке древностей».

— Тебе это не нужно. Если уж собралась делать, то делай как следует. В магазине должна быть большая стеклянная витрина. Чтобы люди видели товар внутри.

— Но я собираюсь открыть совсем не такой магазин. Я ведь тебе уже рассказывала. И прежде чем говорить, сходи и посмотри сам. У меня в сумочке есть телефон риелтора.

— Вот это сюрприз.

— Я могла бы позвонить ему прямо сейчас. Оставить сообщение. Проявить заинтересованность. — Она вдруг перестала узнавать свой голос, в котором уловила непривычные возбужденные нотки.

— Позвонишь утром. Сейчас половина двенадцатого, и за ночь магазин никуда не убежит.

— Я просто боюсь его упустить.

— И не стоит ничего решать в спешке. Сью, мы должны быть крайне осмотрительны.

Они могут запросить слишком много денег. Могут сдавать помещение лишь на длительный срок. И налагать огромные штрафы в случае досрочного расторжения договора. Сбавь обороты и сперва задай им несколько вопросов.

— Я просто хочу, чтобы у меня все получилось.

Он снова прижал ее к себе. От его рубашки, пахнувшей стиральным порошком, исходил едва заметный несвежий запах человека после длинного трудового дня.

— Знаешь, Сью, мы непременно должны пойти на этот ланч. У нас все отлично. Мы снова зарабатываем. Ты можешь рассказать им о своем магазине.

— Но только даже и не заикайся о детях.

— Не буду.

— Я не хочу им ничего говорить раньше времени. Они начнут обмусоливать эту тему, мама благородно возбудится, но станет делать вид, будто ничего не происходит, а потом, если у нас не получится, они примутся ходить вокруг да около, мучительно выбирая выражения. Поэтому о детях ни слова.

Нил прошептал, уткнувшись ей в волосы:

— Спорим, у твоей сестры вопрос о детях вообще не стоит.

— Нил, нет.

— Да шучу я, шучу. Ладно, позвони им завтра утром. Мы придем и будем очень веселыми и отлично проведем время, черт побери!

— Ты хотел сказать, сделаем вид, будто отлично проводим время.

— Возможно, ты еще сама себя удивишь.

— Непременно, — фыркнула она.

Как ни странно, но в ту ночь они занимались любовью, чего не делали вот уже восемь месяцев. А потом Нил едва не заплакал и сказал ей, что действительно ее любит и теперь все будет хорошо.

Сюзанна лежала в темноте, уставившись в потолок с балками, который ненавидела. В отличие от мужа она не ощутила особой эмоциональной разрядки. Просто некоторое чувство облегчения, что они наконец сделали это. Ну а еще проблеск надежды, в чем ей не хотелось признаваться даже себе самой, что теперь она заслужила пару месяцев отсрочки от исполнения супружеских обязанностей.

В путеводителях Дир-Хэмптон обычно описывался как один из самых красивых ярмарочных городов Суффолка. К зданиям категории II здесь относятся нормандская церковь и антикварные магазины, как магнитом притягивающие туристов в летние месяцы и самых стойких прохожих в зимние. Старики привычно сокращали Дир-Хэмптон до лаконичного Дир, а молодежь, которая ночью по пятницам наливалась дешевым сидром и улюлюкала на рыночной площади, называла город вонючей мусорной свалкой, где вообще нечем заняться. И в чем-то они были по-своему правы. Справедливости ради стоит сказать, что город этот любил свое прошлое больше, чем будущее, к тому же в последнее время его наводнили семьи, вынужденные покинуть Лондон и зеленый пояс из-за галопирующих цен на недвижимость в поисках симпатичного места, где можно было бы растить детей. Высокие элегантные светлые здания в георгианском стиле соседствовали с тюдоровскими домами, с крошечными оконцами и балками, нависающими над мостовой, точно мачты кораблей в бушующем море, и все это было опутано причудливой сетью аккуратных двориков и узких мощеных улочек, ответвляющихся от площади. Тут располагались самые необходимые для жизни торговые точки, включая мясную лавку, булочную, газетный киоск и магазин скобяных товаров, а также растущие как грибы, но не самые необходимые для жизни магазины, где продавали масла для ароматерапии, магические кристаллы, сверхдорогие подушки и душистое мыло.

Примерно два месяца назад Сюзанна наконец поняла, что больше всего удивляло ее здесь: в рабочие часы Дир-Хэмптон становился городом женщин. Матроны в зеленых жилетках и с платками на голове покупали отбивные у мясников, с которыми были на «ты»; молодые мамочки катили коляски, а женщины неопределенного возраста с безупречной укладкой просто убивали время. Но если не считать продавцов мужского пола, торговцев и мальчишек школьного возраста, тут практически не было мужчин. Вероятно, все мужчины покидали город на заре, на утренних поездах до Сити, и возвращались к накрытому столу в своих ярко освещенных домах уже затемно. Такое чувство, раздраженно пробормотала Сюзанна, будто я перенеслась в 1950-е. Она сбилась со счету, сколько раз ее спрашивали, чем занимается муж, и даже год спустя напрягалась в ожидании этого вопроса.

И хотя поначалу она горячо уверяла, что у нее нет ничего общего с этими женщинами, в некоторых из них она невольно узнавала себя: они точно так же занимались шопингом, прогуливаясь по отделам единственного в городе универмага размеренной походкой людей, у которых есть время и деньги; точно так же не могли не записаться хотя бы в один из двух имеющихся в городе салонов красоты; для них точно так же кристаллы, и ароматические свечи, и тесты на пищевую аллергию были не приятным разнообразием, а скорее стилем жизни.

Сюзанна пока не определилась со специализацией своего магазина.

Она сидела среди коробок с товаром, ждала, когда заработает касса, а электрик наконец скажет, какие именно лампочки требуются для подсветки на потолке, и думала, что, возможно, это будет и не магазин вовсе. Нил уже два раза звонил, интересовался, зачем заранее делать такие запасы, тем более что из агентства по водопользованию уже прислали несколько писем с требованием заплатить за воду, а магазин еще даже не открылся.

Для человека, не так давно вылезшего из долговой ямы, Сюзанна держалась на

удивление хладнокровно. Получив пару недель назад ключи от помещения, она с наслаждением занималась воплощением в жизнь своих идей, которые вынашивала вот уже несколько месяцев. Ей нравилось заниматься поисками потенциальных поставщиков, посещать выставки-продажи или крошечные мастерские на задворках лондонской Оксфорд-стрит, где она знакомилась с молодыми дизайнерами, жаждущими выставить свои работы, или с теми, кто, имея за плечами многолетний опыт, мог посвятить ее в секреты торгового дела. Ей нравилось иметь цель в жизни, возможность говорить «мой магазин» и принимать решения, выбирая на свой вкус только то, что она считала красивым и необычным.

А потом еще был сам магазин. Снаружи стены освежили белой краской, интерьер тоже постепенно обновлялся, чему в немалой степени способствовали постоянные визиты местных водопроводчиков и плотников, а также ее смелые эксперименты с малярной кистью. Она знала, что ее считают слишком разборчивой и слишком осмотрительной, но обустройство интерьера требовало чрезвычайно сложных решений, поскольку магазин был не совсем обычный. Он имел сразу несколько функций. Там были крошечная кофейня с церковной скамьей, приставленной к задней стенке, несколько столиков и реанимированная итальянская кофемашина; стойка с секонд-хендом, где имелось несколько самых разных вещей — просто потому, что Сюзанне нравилось на них смотреть. Покупателю предлагались одежда, бижутерия, картины и аксессуары для декора. А еще кое-что современное. Словом, весьма специфичный набор товаров.

Затем Сюзанна начала потихоньку украшать окно, которое она выбрала под витрину. Чтобы витрина не выглядела слишком голой, Сюзанна выставила туда самые красивые вещи, приобретенные еще во времена ее увлечения шопингом, но так и не нашедшие применения: расшитые ярким бисером сумочки, крупные стеклянные кольца, абстрактный эстамп в антикварной раме. А когда прибыл заказанный товар, она, чтобы не нарушать уже созданную композицию, просто дополнила ее красивыми спиральными индийскими браслетами, ящиками от старинного комода, набитыми блестящими металлическими пишущими ручками, разноцветными бутылочками для специй с серебряными крышечками.

— Похоже на кукольный домик. Или на пещеру Аладдина, — заметил Нил, в выходной день заскочивший посмотреть, как идут дела. — Выглядит весьма... э-э-э... симпатично. Но ты уверена, что люди поймут, в чем тут идея?

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, какой тип магазина ты собираешься открыть?

— Это будет мой тип магазина, — заявила Сюзанна, наслаждаясь растерянностью мужа.

Потому что Сюзанна создавала нечто прекрасное, претворяя в жизнь свою мечту, и ни муж, ни партнер по бизнесу ей был не нужен. Получив полную свободу действий, она с удовольствием развешивала вдоль полок дармовые китайские фонарики, расставляла таблички, написанные ее каллиграфическим почерком, красила половицы в бледно-фиолетовой цвет, потому что ей так захотелось. Расставляла столы и стулья, купленные по дешевке на распродаже и перекрашенные краской из пробников, совсем как в тех кафе, где она устраивала посиделки с подругами. Именно стулья помогли Сюзанне уловить самую суть: глядя на них, она поняла, что устраивает себе волшебный уголок, свободный от зашоренности и предрассудков, а именно место, где она, отгородившись от глаз окружающих ее провинциальных кумушек с их мещанскими суждениями, опять сможет чувствовать себя как дома.

— Так какой профиль у вашего магазина? — увидев старинную раму в витрине, с едва заметной насмешкой в голосе поинтересовался один из местных торговцев антиквариатом.

— У меня... У меня просто магазин, — ответила Сюзанна, решив не обращать внимания на его презрительно поднятые брови.

Но свое заведение она гордо назвала «Эмпориум Сюзанны Пикок»^[4]. Название на вывеске было написано бело-голубыми буквами, а под ним нарисовано павлинье перо. Нил посмотрел на вывеску со странной смесью страха и гордости. Уже позже он признался жене, что пытался решить вопрос, сможет ли спокойно пережить еще одно банкротство, если магазин прогорит, учитывая, что над входом красуется его, Нила, фамилия.

— Не прогорит! — отрезала Сюзанна. — Не стоит смотреть на вещи так негативно.

— Тебе придется здорово попотеть, — сказал он.

Но сомнения Нила ее нимало не волновали. У нее не было сил с ним спорить. Она теперь отлично спала.

И вообще, если не считать товара для магазина, она уже несколько недель ничего не покупала.

— Вы открыты?

Сюзанна оторвала глаза от пятна на полу. Церковные свечи показались ей хорошей идеей во время закупок у лондонского оптовика, но теперь, когда она смотрела, как дамы в зеленых стеганых жилетках одна за другой проходят мимо ее витрины, равнодушно или презрительно шурясь на выставленные за стеклом вещи, у нее невольно возник вопрос: а не слишком ли космополитичны ее вкусы? Да, расшитые бисером сумочки были очень нарядные и вполне в ее вкусе, но, как не уставал повторять Нил, нет никакого смысла приобретать красивые вещи, если никто в округе не будет готов их купить.

— Еще нет. Скорее всего, в понедельник.

И тем не менее женщина вошла внутрь, закрыла за собой дверь и принялась восторженно озираясь по сторонам. Вместо зеленой жилетки на ней была красно-коричневая куртка с капюшоном, на голове — вязаная пестрая шапка, из-под которой торчали во все стороны седые космы. Поначалу Сюзанна решила, что перед ней обычная бомжиха, но, приглядевшись, заметила приличные туфли и не менее приличную сумку.

— Не правда ли, здесь очень славно? День и ночь по сравнению с тем, что было. — Сюзанна поднялась с пола.

— Да-да. Видите ли, когда я была еще маленькой, здесь был продуктовый магазинчик. Вон там лежали фрукты... — Женщина махнула рукой туда, где теперь стояли столы и стулья. — А вот тут овощи. Ой, а еще здесь торговали домашними яйцами. Они держали кур на заднем дворе. Но насколько я понимаю, разводить кур вы не станете. — И она рассмеялась собственной шутке.

— Вы правы. Я скорее...

— А зачем эти столы? Вы что, будете подавать здесь еду?

— Нет.

— Люди любят места, где можно поесть.

— Для этого нужна лицензия. Нет, я буду подавать кофе. Типа эспрессо.

— Эспрессо?

В такие моменты Сюзанна сразу теряла весь свой благоприобретенный оптимизм. Как можно продавать кофе в городе, жители которого не знают слова «эспрессо»?

— Это кофе такой. Очень крепкий. Подается в маленьких чашечках.

— Что ж, полагаю, неплохой способ увеличить прибыль. Я всегда говорила, что в кафе на Лонг-лейн чай наливают в слишком маленькие чашечки. Думаю, они таким образом тоже увеличивают прибыль.

— Эспрессо принято подавать в маленьких чашечках.

— Дорогая, не сомневаюсь, они говорят то же самое. — Женщина подошла к витрине и, что-то бормоча себе под нос, принялась перебирать выставленные там вещи. — Что бы это могло значить? — Она взяла в руки абстрактный рисунок в старинной раме.

— Да ничего. — В голосе Сюзанны послышались стальные нотки.

Женщина впиалась глазами в картину.

— Это что, современное искусство? — произнесла она так, будто говорила на иностранном языке.

— Да.

Боже, если она сейчас скажет: «Так и ребенок сможет», я этого не переживу, подумала Сюзанна.

— Я тоже так смогу. А если я действительно что-нибудь нарисую, вы выставите это на продажу?

— У меня не художественная галерея. Вам стоит обратиться туда.

— Но вы же продаете эту.

— Это единичный случай.

— Но если вы ее продадите, почему бы вам тогда не продать еще одну? Я хочу сказать, спрос определяет предложение.

Сюзанна начала терять терпение. Она и в лучшие-то времена легко выходила из себя. А сейчас были далеко не лучшие времена.

— Было очень приятно побеседовать, но, боюсь, меня ждут дела. — Сюзанна вытянула вперед руку, явно собираясь выпроводить назойливую посетительницу, но так и осталась стоять посреди комнаты.

— Я действительно выросла в этом городе. По профессии я швея, но когда вышла замуж, пришлось уехать отсюда. Тогда многие из нас так делали. — (Господи! Она, кажется, собирается рассказывать тут историю своей жизни. Сюзанна в отчаянии огляделась по сторонам, выискивая предлог избавиться от странной тетки.) — Мой муж умер через три года после того, как мы поженились. От туберкулеза. Почти шесть месяцев провел в швейцарской клинике и все равно умер.

— Мне очень жаль.

— А вот мне нет. Он был довольно неумный человек. Но я поняла это лишь после свадьбы. Видите ли, у нас не было детей. Он предпочитал свою губную гармошку.

— Простите? — фыркнула Сюзанна.

Женщина рассеянно пригладила волосы:

— Милочка, он просто не знал, что нужно делать. А я знала, потому что мне мама объяснила. И в первую брачную ночь я его просветила, но он пришел в такой ужас, что сказал: нет-нет, спасибо, не надо, он лучше поиграет на губной гармошке. И вот целых два года каждую ночь мы только этим и занимались. Я читала книгу в постели, а он играл на губной гармошке.

Сюзанна не выдержала и рассмеялась:

— Сочувствую. А вы не пробовали найти себе... кого-нибудь другого?

— Ох нет! Никого такого, за которого я собралась бы замуж. У меня было много романов, что, конечно, весьма приятно, но мне не хотелось никого пускать к себе на ночь в постель. А что, если и они тоже оказались бы любителями музыкальных инструментов? Бог его знает, чем это могло бы закончиться! — Она едва заметно покачала головой, явно представив себе большой барабан и тубу. — Да, жизнь не стоит на месте. Я вернулась сюда всего шесть месяцев назад, а тут все изменилось до неузнаваемости... А вы местная?

— Я родилась здесь. Но вплоть до последнего года мы жили в Лондоне. — Сюзанна и сама толком не понимала, зачем делится с абсолютно незнакомым человеком, ведь внутренний голос подсказывал ей, что не стоит рассказывать о себе лишнего.

— Значит, вы тоже вернулись в родные края! Как волнительно! Выходит, мы с вами родственные души. Я миссис Крик. Джоанна Крик. Зовите меня миссис Крик. А вас как зовут?

— Пикок. Сюзанна Пикок.

— Там, где я выросла, у нас тоже были павлины. Дом находился за городом, на Ипсуич-роуд. Отвратительные птицы. Издают совершенно омерзительные звуки. И вечно гадили нам на подоконники. — Миссис Крик повернулась и потрогала свою шапку, словно желая убедиться, что та все еще на месте. — Ну ладно, Сюзанна Пикок, что-то я с вами заболталась. Боюсь, мне пора бежать. Надо еще забрать пастуший пирог в магазине при Женском институте. Я собираюсь сшить им передники и мешочки для мелочей. Это, конечно, не то, к чему я привыкла. Ну да ладно, не сидеть же сложа руки. Я непременно вернусь, когда вы откроетесь, и с удовольствием выпью чашечку вашего кофе.

— Очень хорошо, — сухо ответила Сюзанна.

Но прежде чем уйти, миссис Крик снова уставилась на картину, словно желая поподробнее запомнить каждую деталь, чтобы создать потом свою собственную версию.

Сюзанна вернулась домой чуть ли не в полдесятого вечера. Нил сидел, положив ноги на кофейный столик, на котором стояли пустая миска и тарелка с остатками еды.

— А я уже собирался разыскивать тебя с собаками, — отвернувшись от экрана телевизора, сказал он.

— Я пыталась получше расставить товар.

— Ведь я предупреждал. Надо было делать больше полок спереди.

— А что у нас на обед?

Нил явно удивился:

— Ничего. Я думал, ты вернешься вовремя и что-нибудь быстренько сварганишь.

Она устало сняла пальто, неожиданно почувствовав прилив злости.

— Нил, у меня через три дня открытие магазина. Я сбилась с ног. И мне казалось, что ты хотя бы раз в жизни вполне мог что-нибудь для меня приготовить.

— А почему ты не позвонила?

— А почему ты не позвонил? — Сюзанна швырнула пальто на спинку стула и прошла на кухню. Раковина была все еще забита оставшейся после завтрака посудой. — Ладно, Нил, раз уж ты сам успел поесть, то зачем обо мне беспокоиться, да?

Она услышала из раздаточного окошка его голос, звучавший на повышенных тонах:

— Блин, я поел только хлеба с сыром! И вовсе не готовил себе разносолов.

Сюзанна принялась сердито хлопать дверцами шкафчиков в поисках чего-то такого, что можно было бы приготовить на скорую руку. Она не закупалась в супермаркете уже

несколько недель, и сейчас на полках не было ничего, кроме просыпанной чечевицы и открытой упаковки бульонных кубиков.

— Мог хотя бы помыть посуду.

— Повторяю еще раз для непонятливых! Я вышел из дому без четверти шесть утра. И что, прикажешь мне ждать, пока ты соизволишь позавтракать?

— Ладно, Нил, проехали. Ты сам по себе, а я сама по себе. Так мы хотя бы внесем ясность в наши отношения.

Ответом ей было короткое молчание, а затем Нил возник в дверях их крошечной кухни. Двоим там было точно не разойтись, и он явно собрался вытолкать ее в гостиную.

— Сью, только не надо устраивать сцен! Послушай, давай ты сейчас спокойно сядешь, а я что-нибудь тебе состряпаю.

— Господи, ты даже хлеба мне не оставил! — увидев пустой пластиковый пакет, возмутилась Сюзанна.

— Там оставалось только два кусочка.

— Ой, ради бога, уйди! Лучше пойди полежи на диване.

Он в отчаянии вскинул руки. И она, пожалуй, только сейчас заметила, какой у него усталый вид, какое серое лицо.

— Нет, это ты уйди! — огрызнулся он. — И не надо изображать из себя чертову мученицу. Если твой чертов магазин делает тебя такой сварливой, то я, если честно, уже начинаю жалеть, что согласился на эту авантюру.

Нил снова плюхнулся на диван и, взяв пульт, принялся переключать каналы.

Еще немного потоптавшись на кухне, Сюзанна прошла в гостиную и с миской овсяных хлопьев в руках уселась на стул напротив Нила. Она решительно отказывалась на него смотреть, пытаясь таким образом дать ему понять, что сыта по горло.

Нил неожиданно выключил телевизор.

— Прости, — нарушил он повисшую в комнате тишину. — Я не подумал, что не мешало бы купить хлеба. Ведь когда я сошел с поезда, моим единственным желанием было поскорее попасть домой.

Сюзанна вдруг почувствовала, что у нее на руках больше не осталось козырей.

— Нет, это ты меня прости. Я вконец измоталась. Поверь, все наладится, когда магазин откроется.

— Я рад, что у тебя теперь есть магазин. Наверное, мне не стоило это говорить... но так приятно видеть тебя такой...

— Деловой?

— Воодушевленной. Мне нравится твоя увлеченность. Теперь тебя, похоже, гораздо меньше волнуют... мелочи жизни.

Овсяные хлопья не лезли в горло. Она чувствовала себя безумно усталой. И в конце концов поставила миску на стол:

— Просто сейчас мне некогда об этом думать.

— Угу. Если у человека остается много времени на размышления — это верный путь к катастрофе. Я и сам стараюсь не думать слишком много. — Он печально улыбнулся. — Ну а что, если мне взять отгул в день открытия магазина?

Она вздохнула, отметив про себя его просительную улыбку:

— Нет. Не беспокойся. Сомневаюсь, что открытие будет особо торжественным. При таких темпах я даже не слишком уверена, что это произойдет в понедельник. А тебе,

пожалуй, не стоит лишний раз расстраивать своего босса. Тем более что ты не так давно там работаешь.

— Ну как знаешь. — И, в очередной раз неуверенно улыбнувшись, Нил устроился поудобнее на диване и принялся листать газету.

Сюзанна сидела напротив, мучительно пытаясь решить вопрос: почему она против его присутствия там? Конечно, это было глупо. И, более того, не слишком благородно. Но Сюзанне отчаянно хотелось иметь нечто свое. То, что доставляло бы удовольствие ей и не имело бы отношения к их с Нилом истории. Да и вообще, никаким боком не касалось бы других людей.

На пороге возникла старая дама в парадном твидовом пальто и залихватски сдвинутой набок соломенной шляпке с вишенками; узловатые пальцы сжимали сумочку из лаковой кожи.

— Я хочу съездить в Дир, — сообщила дама.

Виви обернулась; противень, который она держала в руках, сердито плевался жиром, и Виви пришлось поспешно искать свободное место на плите. Заметив шляпку и сумочку, Виви почувствовала, как у нее екнуло сердце.

— Что?

— И нечего чтокать. Это дурной тон. Я готова съездить в город. Если ты возьмешь себе за труд подогнать машину.

— Розмари, мы сейчас не можем ехать в город. Мы ждем детей на ланч.

На чело Розмари легла тень сомнения.

— Какие такие дети?

— Наши дети. Они все собираются приехать. На ланч в честь дня рождения Люси. Вы помните?

Кошка Розмари, настолько тощая и облезлая, что ее уже не раз принимали за сбитое на дороге животное, запрыгнула на рабочую поверхность и принялась на дрожащих лапах подбираться к ростбифу. Виви стащила кухонную рукавицу и осторожно сняла со столешницы протестующую кошку, обжегшись в результате о раскаленный противень.

— Тогда мы быстренько съездим туда и обратно до их прихода.

Виви с трудом подавила тяжелый вздох. Нацепив на лицо улыбку, она повернулась к свекрови:

— Розмари, я прошу прощения, но мне надо успеть приготовить ланч и накрыть на стол. А еще вытереть пыль в гостиной. Может, попросите...

— Ох, у него нет времени катать меня по округе. Ты ведь сама не любишь, когда его беспокоят. — Старая леди властно вскинула голову и посмотрела в окно. — Тогда довези меня хотя бы до «Высоких деревьев». А дальше я пойду пешком. — Она выжидающе посмотрела на невестку и, сделав трагическую паузу, добавила: — Опираясь на палку.

Виви проверила готовность мяса и снова сунула противень в духовку. Подошла к раковине, подставив обожженные пальцы под холодную воду.

— Неужели это так срочно? — нарочито небрежным тоном поинтересовалась она. — Почему нельзя поехать после чая?

— О, не стоит обращать на меня внимание, — ледяным тоном произнесла свекровь. — У меня ведь не бывает срочных дел, да, дорогая? Да и какие могут быть дела у такой старой развалины, как я! — Она бросила уничтожающий взгляд на стоящий рядом с плитой второй противень. — Ну конечно, несколько картофелин для тебя куда важнее.

— Розмари, оставьте, ради бога! Вы ведь знаете, что я...

Однако Розмари с силой, которую вряд ли можно было ожидать от столь немошной старушки, хлопнула дверью и скрылась в так называемом бабусином флигеле.

Виви закрыла глаза и сделала глубокий вдох. Теперь за это ей придется заплатить. Хотя в любом случае она каждый день за что-то расплачивалась.

При других обстоятельствах она наверняка бы капитулировала, отложила бы свои дела

и, чтобы не создавать конфликтных ситуаций и не портить себе настроения, выполнила бы прихоть старой дамы. Но сегодня был особенный день: ее трое детей уже несколько лет не собирались все вместе под родительской крышей, а потому Виви не желала портить ланч в честь дня рождения Люси и, вместо того чтобы поливать картошку жиром, катать Розмари по окрестностям. Поскольку поездка в город со свекровью была чревата любыми неожиданностями: Розмари вполне могла предложить отклониться от привычного маршрута и заехать в новый торговый центр в нескольких милях от города, или попросить оставить машину и сходить с ней забрать вещи из химчистки, которые, естественно, затем понесет Виви, или сообщить, что ей необходимо сделать укладку, таким образом заставив себя ждать. Розмари сделалась совершенно несносной с тех пор, как родные уговорили ее больше не ездить самой на машине. Они ведь еще до сих пор не разобрались со страховкой за испорченный забор на ферме Пейджетов.

Из-за двери во флигель орал телевизор, включенный практически на полную громкость, поскольку, если верить Розмари, она только так, и не иначе, могла расслышать, что говорят ведущие.

— Дайте мне всего полчаса, — пробормотала себе под нос Виви, разглядывая покрасневшие пальцы и готовясь к очередному сражению с духовкой. — Если она останется у себя хотя бы на полчаса, то к их приезду у меня все будет под контролем.

— Могу я рассчитывать на чашку чая? Подделывание счетов всегда вызывает у меня дикую жажду.

Виви сидела за кухонным столом. Роясь в залежах использованных карандашей и компактной пудры в своей косметичке, она тщетно пыталась навести красоту и привести в порядок раскрасневшееся от долгого стояния у плиты лицо.

— Сейчас принесу, — ответила Виви, обреченно посмотревшись в зеркальце. — А папе тоже налить?

— Без понятия. Но думаю, да. — Ее сын, вымахавший до шести футов и четырех дюймов, привычно пригнув голову под низкой притолокой, вышел из кухни и уже в коридоре бросил через плечо: — Кстати, совсем запамятовал. Мы забыли забрать цветы. Прости.

Виви на секунду замерла, затем положила пудру на стол и направилась к сыну:

— Что?

— И нечего чтокать. Это дурной тон, — ухмыльнулся сын, передразнивая бабушку. — Мы с папой забыли утром заехать за цветами. Магазин кормов для животных нас малость утомил. Прости.

— Ох, Бен! — Она остановилась в дверях кабинета, руки бессильно повисли вдоль тела.

— Прости.

— Я раз в жизни вас обоих о чем-то попросила, а ты за пять минут до прихода гостей сообщаем, что вы забыли.

— А мы разве что-то забыли? — Ее муж оторвался от бухгалтерских книг и потянулся за карандашом. И с надеждой в голосе спросил: — Выпить чая?

— Цветочные композиции для стола. Вы забыли о моей просьбе их забрать.

— Ой-ёй-ёй!

— Если хочешь, давай я схожу нарву. — Бен с тоской посмотрел в окно.

Всего час с небольшим он провел в кабинете, но, в силу неумности натуры, уже рвался на улицу.

— Бен, какие цветы?! Боже правый, на дворе февраль! Ох, вы меня очень разочаровали.

— А зачем нам вообще цветочные композиции? Мы ими отродясь не пользовались.

— Для стола. — Ее тон вдруг сделался непривычно сварливым. — Мне хотелось, чтобы все было идеально. Ведь сегодня особенный день.

— Да Люси двадцать раз наплевать на все эти цветочные композиции. — И, пожав плечами, отец семейства провел черту под столбиком цифр.

— Ну а мне не наплевать! Да и вообще, заплатить за цветы и даже не потрудиться их взять — чистой воды расточительство. Это называется выбрасывать деньги на ветер.

Ладно, с ними точно каши не сваришь. Виви бросила взгляд на часы. У нее даже на секунду промелькнула мысль быстренько смотаться в город и забрать цветы. При наличии капельки везения и свободных парковочных мест она успеет обернуться за двадцать минут.

Но затем она вспомнила о Розмари, которая или увяжется за ней, или расценит короткую поездку Виви как очередное свидетельство того, что ее потребности остаются без внимания, а права самым варварским образом попираются.

— Что ж, на здоровье. Можешь за них заплатить, а заодно и объяснить мистеру Бриджману, почему мы заказываем цветы, которые нам в принципе не нужны. — Виви вытерла руки о передник и принялась развязывать тесемки.

Мужчины озадаченно переглянулись.

— Я вот что тебе скажу, — обращаясь к отцу, произнес Бен, — пожалуй, я съезжу в город. Если дашь мне свой «рейнджровер».

— Возьмешь мамину машину, — подал голос отец. — А заодно привезешь бабушке бутылочку шерри... Кстати, дорогая, ты не забудешь принести мне обещанную чашечку чая?

Виви отметила девятую годовщину свадьбы, когда к ним переехала свекровь, и пятнадцатую, когда муж наконец сдался и согласился пристроить к дому флигель, дабы иметь возможность смотреть какой-нибудь американский полицейский сериал, не прерываясь каждые пять минут на объяснения сюжета, готовить острую еду с чесноком и специями, а также хоть изредка спокойно читать с утра по воскресеньям в постели газету без непременно настойчивого стука в дверь и непосредственно следующего за ним вопроса, почему апельсиновый сок не стоит на своем обычном месте в холодильнике.

Вопрос об интернате для престарелых вообще не стоял. Этот дом принадлежал Розмари по праву: возможно, она здесь и не родилась, любила повторять старушка, но не видела причины, почему бы ей здесь не умереть. И хотя на земле сейчас хозяйничали арендаторы, да и скота осталось не слишком много, она любила смотреть в окно и вспоминать прошлое. В чем находила несказанное утешение. Да и вообще, должен же был кто-то рассказывать молодому поколению об истории семьи и обычаях прошлой жизни. Теперь, когда большинство подруг благополучно отбыли в мир иной, у нее осталась только семья. Ну а кроме того, в минуту мрачного раздумья говорила себе Виви, с какой стати Розмари куда-то переезжать, если она постоянно имеет в своем распоряжении кухарку, уборщицу и шофера в одном лице? Пожалуй, даже пятизвездочный отель не сможет предоставить ей такой набор услуг.

Дети, выросшие уже при бабушке, что жила дальше по коридору, подобно своему отцу, радостно позволили матери иметь дело со старой дамой и относились к последней со странной смесью благожелательности и не слишком почтительного юмора, который Розмари из-за глухоты, к счастью, пропускала мимо ушей. Виви отчитывала детей за передразнивание

крылатых фраз Розмари и за их намеки на то, что от бабули пахнет отнюдь не пармскими фиалками, а чем-то более едким и явно органического происхождения — Виви сама еще толком не знала, как поставить это старушке на вид, — но она была благодарна своим отпрыскам за то, что, когда Розмари становилась совершенно невыносимой, они общими усилиями прочищали ей мозги.

Потому что даже собственный сын Розмари признавал, что его мать далеко не подарок. Вспыльчивая и безапелляционная, с твердой верой в традиции и плохо скрываемым разочарованием, что ее семья не способна их придерживаться, старушка смотрела на невестку, прожившую в их доме без малого тридцать лет, как на гостью, которая отработывает свой хлеб.

И при всей своей немощи и старческой деменции Розмари не так уж и легко сдалась, согласившись переехать дальше по коридору. Ее эмоциональный накал по поводу строительства флигеля еще больше усилили внутренние противоречия, поскольку, с одной стороны, Розмари была явно уязвлена тем, что ее отселили, чему она сопротивлялась с упорством, достойным лучшего применения, а с другой — втайне радовалась своей независимости и новой обстановке. Апартаменты Розмари были отделаны под чутким руководством Виви обоями в розовую полоску и тканью «жуи» (Розамари при всем желании не могла не признать, что в чем в чем, а в тканях Виви знала толк). Более того, бабушкины комнаты не были осквернены звуками столь любимой внуками непонятной музыки, нескончаемым потоком их неразговорчивых друзей, собаками, вечным шумом и грязной обувью.

Что, однако, не мешало Розмари не слишком явно, но постоянно пенять Виви на то, что она чувствует себя «изгоем» и «лишней» в этом доме, иногда в присутствии своих пока еще здравствующих друзей. Вот когда ее покойная бабушка совсем состарилась, по крайней мере раз в неделю со значением говорила Розмари, ей были отведены лучшие апартаменты в доме, а детям разрешалось раз в день навещать ее и даже изредка читать ей вслух.

— У меня есть «Путеводитель по Ибице для клаберов», — после очередного бабушкиного выступления жизнерадостно отозвался Бен. — А еще «Руководство по эксплуатации тракторов».

— Мы можем отыскать «Радости секса», — хихикнула Люси. — Папа с мамой обычно прятали эту книжку в шкаф.

— Кто это прячется в шкафу? — ворчливо поинтересовалась Розмари.

— Люси! — покраснев, одернула дочь Виви.

Она купила это пособие на свое тридцатилетие в надежде стать наконец для мужа сексуальным объектом. Тогда они пытались зачать еще одного ребенка, и плодом их усилий стал Бен.

Ее супруг был весьма шокирован иллюстрациями, вызвавшими у него неприкрытое отвращение.

«Теперь понятно, зачем у него на лице столько растительности, — осуждающе говорил он. — После такого мне тоже захотелось бы хоть как-то замаскироваться».

Виви отчаянно старалась не обращать внимания. И думать не о плохом, а исключительно о хорошем — ведь у нее прекрасный дом, замечательные дети, любящий муж, — поэтому она старалась игнорировать придирки и непомерные требования свекрови, предпочитая держать мужа в неведении относительно их истинного масштаба. Муж не переносил семейных ссор и, совсем как улитка, сразу уходил в свою раковину, недовольно

выглядывая оттуда в ожидании, когда все само собой рассосется. Вот почему ему страшно не нравилась вся эта история с Сюзанной.

«Мне кажется, вы должны с ней сесть и все спокойно обсудить», — неоднократно предлагала Виви.

«Ну я ведь тебе уже говорил. Не желаю возвращаться к этой теме, — резко отвечал муж. — Я не обязан никому ничего объяснять. И тем более человеку, которому я только что отдал свой треклятый дом. Ей пора научиться с этим жить».

На улице начало моросить. Сюзанна стояла на крыльце, под относительной защитой козырька, а Нил тем временем доставал из багажника цветы и бутылку вина.

— Ты купил гвоздики, — поморщилась Сюзанна.

— И?..

— Они ужасные. Эти цветы смотрятся убого.

— Сью, повторяю еще раз для непонятливых: мы сейчас не в том положении, чтобы покупать редкие орхидеи. И твоя мама будет рада любому подарку.

Сюзанна понимала, что муж совершенно прав, но ей было не справиться со своим дурным настроением, возникшим, как только они свернули на подъездную дорожку и она увидела приземистый сельский дом горчичного цвета с огромной дубовой дверью, которая запомнилась ей с детства. Даже хорошенько порывшись в памяти, Сюзанна не смогла бы назвать хотя бы короткий период времени, когда ей было здесь легко и спокойно. Она понимала, что все произошло еще до того, как выяснилось, насколько она не похожа на брата и сестру, еще до того, как она поняла это по папиному напряженному взгляду и усиленным маминым стараниям сгладить бросающееся в глаза различие между детьми. Еще до того, как все это было официально записано в Книге Будущего их семьи. И теперь дом казался ей источником заразы, он словно отбрасывал ее в прошлое и одновременно отталкивал от себя. У нее вдруг скрутило живот, и она оглянулась на мужа.

— Поехали назад, — прошептала она, когда Нил подошел поближе.

— Что?

В доме истерически затыкала собака.

— Поехали. Прямо сейчас!

Нил закатил глаза, в отчаянии всплеснув руками:

— Ой, ради всего святого...

— Нил, это будет ужасно! Видеть их всем скопом... Нет, я не готова.

Но все, поезд ушел. Послышались чьи-то шаги, скрип отодвигаемого засова, на них пахло запахами жареного мяса и мокрой шерсти джек-рассел-терьера. Виви пинком ноги загнала скулящую собачонку обратно в дом и широко улыбнулась гостям. Вытерев руки о передник, она широко раскрыла объятия:

— Здравствуйте, мои дорогие. Ох, как же я рада вас видеть! Добро пожаловать домой.

— Только не кладите мне никаких моллюсков. От этих креветок у меня губы становятся совсем как у готтентотов.

— Бабуля, нельзя говорить «готтентоты». Это неpolitкорректно.

— Однажды мне чуть было не пришлось обращаться к доктору. Кожа на губах так натянулась, что я два дня не могла выйти из дому.

— Да, выглядели вы тогда неважнецки, — согласилась Виви.

Виви раскладывала по тарелкам золотистый хрустящий картофель, радуясь про себя, что не поленилась полить его говяжьим жиром.

— Бабуля, некоторые женщины сейчас платят за это большие деньги, — сказал Бен. — Мам, а можно мне еще пару картошин? Вон тех, что поподжаристее.

— Имплантаты, — заметила Люси.

— Что?

— Женщины. Вставляют силиконовые имплантаты, чтобы рот казался больше. Возможно, им просто надо было поесть маминых креветок в горшочке. Мам, только не клади мне мяса. Я сейчас не ем мяса с кровью. Сью, а разве ты их не делала?

— Чего? Имплантатов?

— Да нет. Инъекций. В губы. Когда занималась самосовершенствованием.

— Люси, спасибо тебе большое!

— Так ты делала инъекции или нет?

— Ну, они дают только временный эффект. — Сюзанна уставилась в тарелку. — И вообще, это просто коллаген. От него губы становятся только чуть-чуть пухлее.

Потрясенная до глубины души, Виви повернулась к зятю:

— Но как ты мог это допустить?!

— А кто меня спрашивал? Вы ведь помните, что она тогда с собой вытворяла. Нарощенные волосы, накладные ногти. Каждый раз, возвращаясь домой, я понятия не имел, кого там увижу. Шер или Анну Николь Смит.

— Ой, только не надо преувеличивать! Это ведь не на всю жизнь. Тем более что мне все равно не понравилось. — Сюзанна принялась сердито гонять овощи по тарелке.

— А я помню ее такой. Мне показалось, будто к ее лицу приделали две надувные камеры от шин. Жуткое дело.

— Надувные камеры? — переспросила Розмари. — На лице? А зачем они ей?

Сюзанна покосилась на отца, тот сидел с низко опущенной головой и делал вид, будто не слышит, как пикируются между собой его отпрыски. Отец в основном беседовал с Нилом, причем, как всегда, крайне любезно, словно до сих пор был благодарен зятю за то, что тот освободил его от бремени забот за непутевую дочь. Но когда Сюзанна говорила это мужу, он возмущался и просил ее не глупить, хотя, если честно, ей трудно было найти другое объяснение, почему родители так возбуждаются из-за того, что он всегда готов погладить себе рубашку, вынести мусор или отвести жену на обед. Точно она генетически должна была быть предрасположена к домашней работе.

— По-моему, Сюзанна достаточно красива и ее внешность не нуждается... в каких-либо улучшениях, — констатировала Виви, пустив по кругу подливку. — Не думаю, что ей нужно что-то там поправлять.

— Да, Сью. Твои волосы выглядят чудесно, — заметила Люси. — Мне нравится, когда они естественного цвета.

Волосы самой Люси, кстати гораздо светлее, чем у Сюзанны, были коротко пострижены в деловом стиле и тщательно мелированы.

— Вылитая Мартиша Аддамс, — вставил Бен.

— Кто-кто? — Розмари склонилась над своей тарелкой. — А мне кто-нибудь даст картофеля? Меня, как всегда, забыли.

— Картофель еще только раскладывают, — сказала Люси.

— Мартиша Аддамс. Из «Семейки Аддамс».

— Это, случайно, не те Аддамсы, что живут в Сток-Бай-Клэре?

— Нет, бабуля. Это Аддамсы из телика. Люси, а ты смотрела концерт группы «Радиоход»?

— Представляете, он был фашистом. Во время войны. Ужасная семейка.

— Угу. Они были супер. У меня в машине есть CD-диск, если хочешь сделать копию.

— На ужин они вечно подавали холодную нарезку. И никогда нормальную еду. А еще они держали свиней.

Виви повернулась к Сюзанне:

— Дорогая, и ты непременно должна рассказать нам о своем магазине. Умираю, как хочу послушать. Кстати, ты уже назначила дату открытия?

Сюзанна потупилась, затем сделала глубокий вдох и посмотрела на Нила, продолжавшего беседовать с ее отцом:

— На самом деле магазин уже открылся.

В комнате повисло неловкое молчание.

— Открылся? — озадаченно переспросила Виви. — Но я надеялась, что ты устроишь в честь открытия вечеринку.

Сюзанна бросила смущенный взгляд на Нила, всем своим видом показывавшего, что он здесь ни при чем, и, нервно сглотнув, сказала:

— Да мы ничего особенного и не устраивали.

Виви уставилась на дочь, и лицо ее едва заметно залилось краской, что не ускользнуло от внимания лишь тех, кто пристально за ней наблюдал, а именно сына, зятя и младшей дочери.

— О-о... — протянула Виви, методично размешивая подливку у себя на тарелке. — Что ж, не сомневаюсь, ты просто не хотела, чтобы мы там путались под ногами. Тебе ведь нужны реальные покупатели, да? Те, кто действительно собирается делать покупки... И что... Ну и как, все нормально прошло?

Сюзанна вздохнула, раздираемая противоречивыми чувствами. Ей было, конечно, стыдно, но одновременно и очень обидно, что обед еще только начался, а родственники уже успели разбудить в ней комплекс вины. Пытаясь найти оправдание своему решению, она убеждала себя, что поступает вполне разумно. Ей и так пришлось вернуться в лоно семьи, так неужели она не заслужила права оставить себе хоть немного личного пространства? Ведь в противном случае это уже будет не ее собственный магазин, а очередная сфера распространения семейных интересов. И тем не менее, услышав обиженные нотки в нарочито беспечном голосе Виви и оказавшись под прицелом укоризненных взглядов брата и сестры, Сюзанна поняла, что в двух словах всего и не объяснишь.

— Сью, а где находится этот твой магазин? — с ледяной вежливостью поинтересовался Бен.

— Неподалеку от Уотер-лейн. Через два дома от закусочной с продажей еды навынос.

— Надо же, как удобно, — ехидно заметил Бен.

— Ты непременно должен как-нибудь ко мне заскочить, — игриво улыбнулась Сюзанна.

— Ну, сейчас мы немного заняты. — Бен покосился на отца. — У нас имеются кое-какие задумки насчет амбаров. Да, папа?

— Пожалуй, мы все-таки выкроим время, чтобы заглянуть к тебе. — Голос отца был полностью лишен эмоциональной окраски.

Сюзанна вдруг почувствовала, как на глаза невольнo наворачиваются слезы.

Виви вышла из-за стола, сославшись на неотложное дело на кухне. Дети слышали, как она идет по коридору и что-то сердито бормочет собаке.

— Сью, очень красиво, нечего сказать...

— Люси! — одернул ее отец.

— Неужели ей так трудно было пригласить маму? Пусть даже не всех остальных, но маму она обязана была пригласить. Сью, она ведь реально тобой гордилась. Ты что, не в курсе? И каждому встречному и поперечному рассказывала о твоём треклятом магазине.

— Люси!

— Ты выставила маму форменной идиоткой перед друзьями.

— Это кто идиотка? — заинтересовалась Розмари. Она повертела головой в поисках Виви. — А почему мне не положили горчицы? Мне одной, что ли, ее не дали?

— Я вовсе не хотела ее обидеть.

— Ну конечно. У тебя само собой так получается.

— Да и не было никакого торжественного открытия. Никаких спиртных напитков и вообще...

— Тем более. От тебя бы точно не убыло, если бы ты ее пригласила. Господи, и это после всего, что папа с мамой для тебя сделали!

— Люси!

— Послушайте, давайте не будем... — вмешался в разговор Нил, махнув рукой в сторону возникшей на пороге Виви. — Не сейчас...

— Я забыла про пудинг. Нет, ну разве можно быть такой растяпой? — Виви села на место и окинула стол оценивающим взглядом настоящей хозяйки. — У всех достаточно еды? Все в порядке?

— Изумительно вкусно! — похвалил угощение Нил. — Виви, на сей раз вы превзошли саму себя.

— У меня нет горчицы, — пожаловалась Розмари.

— Да есть у тебя горчица, бабуля. Она лежит с краю тарелки.

— Что ты сказал?

Перегнувшись через стол, Бен ткнул в тарелку ножом:

— Вот. Твоя горчица.

Виви явно была на грани слез, о чем свидетельствовали ее покрасневшие глаза. Посмотрев на Нила, Сюзанна поняла, что и он тоже заметил.

— У нас есть для вас кое-какие новости, — произнес Нил.

— Да неужели? — улыбнулась ему Виви. — И какие же?

— Сюзанна соблаговолила подумать о ком-то еще, кроме себя любимой, — провозгласила Люси. — Вот это была бы новость так новость!

— Люси, прекрати, ради бога! — Отец стукнул по столу ножом.

— Мы собираемся завести ребенка. Не сейчас, — поспешно добавил Нил. — В будущем году. Но мы решили, что это будет самое время.

— Ох, мои дорогие, как замечательно! — Виви, просияв, потянулась обнять Сюзанну. Окаменевшая Сюзанна буквально испепеляла мужа взглядом, а он упорно отказывался на нее смотреть. — Ой, как же я за вас рада! Как трогательно!

Люси и Бен многозначительно переглянулись.

— Что происходит? Почему вы все постоянно что-то бубните себе под нос? — рассердилась Розмари.

— Сюзанна собирается завести ребенка, — громко произнесла Виви.

— Не сейчас. — Сюзанна наконец-то обрела дар речи. — Пока еще нет. Если все-таки решусь, то не раньше будущего года. По правде говоря, я рассчитывала, что это... будет сюрприз.

— Что ж, по-моему, просто чудесно, — заметила Виви.

— Она что, беременна? — вытянула шею Розмари. — И какой срок?

«Я тебя убью», — повернувшись к Нилу, проартикулировала Сюзанна.

— Дорогой, ну разве не чудесно? — Виви положила руку мужу на плечо.

— Нет. Вовсе нет, — ответил отец.

Комната разом притихла, за исключением того края стола, где сидела Розмари, в животе у которой происходила серия мелких взрывов, сопровождаемых сдержанным хихиканьем Люси и Бена.

Их отец демонстративно положил нож с вилкой:

— Они по-прежнему фактически банкроты. Живут в съемном доме. Сюзанна только что открыла собственное дело, хотя у нее вообще нет опыта и ей пока даже с семейным бюджетом не справиться. Так что только детей ей сейчас и не хватает!

— Дорогой! — запротестовала Виви.

— Что? Неужели нам нельзя хоть раз сказать правду?! На случай, если она снова решит порвать все связи с семьей. Прости, Нил. При иных обстоятельствах это действительно было бы чудесной новостью. Но до тех пор пока Сюзанна немного не повзрослеет и не научится отвечать за свои поступки, о детях и речи быть не может.

Люси сразу прекратила хихикать. Она перевела взгляд с Сюзанны на Нила, побагровевшего до корней волос.

— Папа, это уже перебор.

— Люси, некоторые вещи не слишком приятно слышать, что отнюдь не означает, будто это уже перебор. — Исчерпав дневную норму произнесенных вслух слов, он снова принялся за еду.

Виви потянулась за йоркширскими пудингами, на ее лице застыло выражение плохо скрытого беспокойства.

— Ладно, давайте не будем о грустном. Мы ведь так редко собираемся вместе. Давайте попробуем просто получить удовольствие от еды, хорошо? — Она подняла свой бокал. — Может, все-таки выпьем за Люси? Двадцать восемь лет как-никак. Отличный возраст.

Но, кроме Бена, никто не рискнул поддержать Виви.

Сюзанна вскинула голову.

— Папа, мне казалось, вы обрадуетесь, что я решила начать собственный бизнес, — медленно произнесла она. — Мне казалось, вы обрадуетесь, что я решила хоть что-то сделать и для себя.

— Дорогая, мы рады, — сказала Виви. — Мы очень рады, разве нет? — Она накрыла рукой руку мужа.

— Ой, мама, только не надо лицемерить! Что бы я ни делала, ему все не так!

— Сюзанна, ты передергиваешь мои слова, — не поднимая голоса и продолжая методично жевать, произнес отец.

— Но не смысл сказанного. Почему ты не можешь дать мне хоть немного передохнуть? — Она с таким же успехом могла говорить в пустоту. — Я знала, что все так и будет.

Сюзанна вскочила с места и, заливаясь слезами, выбежала из-за стола. Ее шаги гулко разнеслись по коридору, затем громко хлопнула задняя дверь.

— С днем рождения тебя, Люси! — Бен иронично поднял бокал.

Нил отодвинул стул и вытер губы салфеткой:

— Простите, Виви. Все было очень вкусно. Исключительно вкусно.

— Сядь на место, Нил! — не глядя на него, приказал ему тесть. — Бегать за ней — бессмысленное занятие. Так ты никому не поможешь.

— А что с ней такое? — Розмари повернула голову на негнувшейся шее в сторону двери. — Утренняя тошнота, да?

— Розмари... — Виви в отчаянии смахнула со лба прядь волос.

— Оставайся. — Люси положила Нилу руку на плечо. — Я сама за ней схожу.

— Ты уверена? — Нил покосился на тарелку, не скрывая своего облегчения оттого, что наконец-то получит возможность спокойно поесть.

— Кто бы сомневался, что ей удастся испортить день рождения Люси.

— Бен, не будь таким злокой. — Виви тоскливо проводила глазами Люси.

Розмари потянулась за очередной картофелиной.

— Что ни делается, все к лучшему. — Дрожащей рукой она наколола картофель на вилку. — Если, конечно, она не станет похожей на свою мать.

Амбары совершенно преобразились. Там, где некогда на задворках фермы стояли полуразрушенные деревянные сараюшки для хранения сена, соломы и ржавеющих деталей сельскохозяйственной техники, теперь возвышались строения с двойным остеклением, посыпанными гравием парковками перед входом и скромными указателями «многопрофильные офисы». Заглянув в окно перестроенного зернохранилища, Сюзанна увидела какого-то мужчину, расхаживающего туда-сюда и что-то возбужденно говорящего в трубку. Тогда она решила найти укромный уголок, где можно было бы посидеть и спокойно поплакать.

— Ты в порядке? — Возникшая как из-под земли, Люси присела рядом с сестрой.

Несколько минут они просто молча наблюдали за мужчиной в офисе. Сюзанна обратила внимание на ровный, сияющий цвет лица Люси, что лучше любых слов говорило о ярком зимнем солнце и дорогих лыжных курортах, и тут же включила сестру в безразмерный список людей, которым завидовала.

— Интересно, откуда такие перемены? — Сюзанна прочистила горло и махнула рукой в сторону амбаров.

— Все началось пару лет назад. Теперь, когда папа сдает землю в аренду, они с Беном изыскивают способы увеличить прибыльность остальной части поместья.

Было в этом «они с Беном» нечто такое, отчего у Сюзанны на глаза снова навернулись слезы.

— Они также держат в дальней части леса охотничье хозяйство. Разводят фазанов.

— Никогда не представляла папу в роли охотника.

[Купить полную версию книги](#)

Сукин сын! (исп.) — Здесь и далее примеч. перев.

Военный министр Великобритании, ушедший в отставку в 1963 г. из-за скандала с девушкой по вызову Кристен Килер, названного «Дело Профьюмо».

Система счета овец, изобретенная пастухами из Северной Англии, уходящая корнями в кельтские языки и базирующаяся на двадцатеричной основе.

Фамилия Пикок в переводе с английского означает «павлин».